

ХРОНИКИ ГОРОДА

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

Юрий Верхолин
Хроники Города
Серия «Искусственный
интеллект», книга 4

<https://litres.ru/73805516>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маленький подмосковный город. Тацкие фабрики, панельные хрущёвки, новый парк у озера. И технологии — везде. Они приходят не как чудо, а как кривое зеркало, в котором отражается всё, что мы не хотим видеть.

Здесь пробуют договориться со смертью — но тарифный план оказывается слишком коротким. Здесь обещают вечную память — но мгновение спустя устройство просит подзарядки. Доступ к чужому сознанию возможен — ценой собственного рассудка.

Абсурд становится бытом. Страх соседствует с надеждой, а попытки обмануть реальность оборачиваются новыми, ещё более странными приключениями.

«Хроники Города» — серия рассказов о том, как высокие технологии встречаются с провинциальной жизнью. Жуткие, смешные и трагические истории из города, где над древней колокольной пролетают спутники, а люди за чашкой чая обсуждают, не глючит ли их новый гаджет.

Добро пожаловать в Павловский Посад — место, где технологии просто есть. И ничего не меняют. Но наблюдать за этим чертовски интересно.

Содержание

Глава 1. Дары библиотеки	5
Глава 2. Власть Румянца	46
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Хроники Города

Глава 1. Дары библиотеки

Три года назад Александр, бывший бухгалтер и ныне действующий юрист-консультант, совершил побег. Не из тюрьмы — из Москвы. Из вечной сирены пробок, из метро, где люди утром превращаются в одержимые сардельки, пихающиеся в вагон. Из шума, который не даёт думать ни о чём,

кроме выживания. Ему захотелось пасторали. Тишины. Возможности утром выйти во двор и услышать не грохот стройки, а пение дроздов, или хотя бы шум ветра в ольхе, растущей через забор.

Выбор пал на Павловский Посад — город, где время будто застряло между индустриальной гордостью советской эпохи и постсоветским забвением. Александр с семьёй поселился в одном из бывших индустриальных районов. Место имело свою мрачную романтику: полузаброшенные цеха ткацких фабрик стояли как памятники умершей эпохе, а за ними простирался огромный пустырь с захолустным озером посреди. Посреди пустыря возвышалось здание, похожее одновременно на заброшенный кинотеатр «Победа» и Дворец культуры имени кого-то очень важного и очень забытого. Зимой над озером клубился пар — озеро не хотело признавать морозы, — а весной сильный ветер разносил по пустырю пыль с прошлогодней травой, устраивая маленькие песчаные бури прямо под окнами.

Из плюсов: железнодорожная станция в шаговой доступности, откуда за час можно было добраться до Москвы, до работы, до шума, который он ненавидел, но который кормил семью. И соседство частного сектора с высотными домами, создававшее странный эффект «города в деревне или наоборот». Много зелени летом, когда старые яблони в частном секторе сбрасывали тень на асфальт девятиэтажек.

Александра всё это устраивало. Он считал мелкие неудоб-

ства — пыль, пар, ветер, гудок фабричной сирены, которая почему-то всё ещё работала по утрам, — временными. Как и положено человеку рациональному, он верил, что любой хаос можно упорядочить, любой бардак — завернуть в про-водочку и сдать в архив.

Однажды в районе началась масштабная стройка. Снесли тот самый Дворец культуры. Сначала долго гудели экскаваторы, потом стена за стеной превращалась в груды кирпича, потом приехали самосвалы и вывезли всё. На месте руин развернулась подготовка к возведению огромного парка с активностями — так было написано на щите, установленном за забором. «Парк с активностями» звучало загадочно, но Александр, глядя на вечно клубящуюся над пустырем пыль, думал, что активность там сейчас одна — строительная. Каждый день, открывая окно, он вдыхал известковую взвесь, которая оседала на подоконнике слоем, достойным археологических раскопок.

Творческий порыв может настигнуть каждого. Учительницу, которая тридцать лет объясняет, что «жи-ши» пишется с «и», и вдруг решает написать детектив о пропавшей указке. Психолога, выслушавшего столько чужих травм, что они выплескиваются на бумагу в виде сюрреалистической прозы. Продавца в «Магните», который после тысячи кассовых чеков начинает сочинять поэму о сканере штрих-кодов. Сантехника, который, глядя на вечно текущую трубу, записывает философские размышления о природе времени.

В один из прекрасных дней порыв настиг Александра. Может быть, это случилось в тот момент, когда он стоял в очереди в местной столовой, наблюдая, как раздающая тётка Галина Ивановна методично кладёт на тарелку одну котлету, но так, словно это последняя котлета в её жизни, и отдать её ей больно, но надо. Или когда он видел, как бухгалтерша Тамара Петровна, та самая, которая ведёт учёт ложек и вилок, устраивает облаву на пропавшую чайную ложку, угрожая всему отделу кадров административным наказанием. Эти картины повседневного абсурда государственной столовой, где логика бухгалтерского учёта встречалась с человеческой глупостью, где каждая сдача банки тушёнки превращалась в эпическую драму, — всё это вдруг захотелось выйти наружу.

Он сел за стол в одиннадцать вечера, открыл ноутбук и начал печатать. Слова лились рекой, складываясь в истории. Он писал о том, как завхоз списывает табуретки, а потом обнаруживает их в буфете у заведующей. О том, как повар, ненавидящий гречку, из принципа делает её каждый день, и посетители пишут жалобы, а повар говорит: «Они не ценят искусство». О том, как в столовую приходит комиссия, и весь коллектив изображает кипучую деятельность, а на самом деле уже три дня нет хлеба, потому что водитель заболел.

За две недели сборник юмористических рассказов был готов. Александр назвал его «Кухня» — коротко, ёмко, без лишних претензий. Он отправил рукопись в одно из мос-

ковских издательств, специализирующихся на современной прозе. Через неделю тщательных проверок — на экстремизм, на запрещённую пропаганду, на соответствие всем бесчисленным требованиям, которые современное российское законодательство предъявляет к печатной продукции, — ему позвонили. Голос в трубке был сухим, деловым, но в нём чувствовалось уважение:

— Александр? Ваш сборник прошёл. Подписывайте договор. Выходим на все крупные площадки.

Книга появилась на Wildberries, на Ozon, на Litres. Продавалась. Не миллионными тиражами, но уверенно, собирая отзывы тех, кто узнавал в героях коллег своё прошлое, свой невысказанный взгляд на мир казённой еды.

Спустя два месяца после публикации, когда гордость за собственное детище уже остыла до комфортной температуры, Александр решил совершить благородный поступок. Он хотел подарить экземпляр своей книги местной центральной библиотеке. Не продать, не сдать в макулатуру, а именно подарить. Вручить. Чтобы книга стояла на полке, несла свет разума и сарказма посадским читателям.

Библиотек в городском округе было несколько, но он выбрал центральную — по принципу удобства. От его дома, из индустриального района с вечной пылью, до центра ходил автобус. Десять остановок. Не близко, но и не на краю света. К тому же центральная библиотека, по логике, должна была быть главным культурным учреждением города. По крайней

мере, так думал Александр, пока не увидел её своими глазами.

Здание стояло в центре, рядом с поликлиникой, неподалёку от старейшего центрального парка, до городской администрации можно было дойти пешком, что, как он потом понял, было символично. Двухэтажное строение не выделялось ничем, кроме таблички над крыльцом, которая скромно сообщала: «Центральная библиотека». Табличка была слегка выцветшей, как лицо чиновника после долгой зимы. Буквы ещё читались, но вид у них был такой, будто они несут службу из последних сил. Краска на перилах кое-где сошла, ступени были протёрты десятилетиями обуви, и во всём этом чувствовалась не нищета, а именно запущенная привычка: всё стоит, значит, трогать не надо.

День был пасмурным, с низкими облаками, которые давили на город серой ватой. Ветер гонял по асфальту прошлогоднюю траву и мелкий мусор, обнажившийся после таяния снега. Александр одёрнул куртку и толкнул тяжёлую дверь.

Внутри пахло старыми книгами, бумажной пылью, чем-то влажным и чуть затхлым, словно где-то внутри стен медленно отсыревала сама история. Было ощущение, будто страницы плакали. Не сильно, не драматично, а как плачут пожилые родственницы на семейных фотографиях — тихо, давно и уже почти по привычке.

В фойе, за стойкой, сидели две женщины. Одна — в синей униформе охранника, сильно полная, так что стул под

ней издавал жалобные звуки, напоминая о хрупкости, своём служебном несогласии. Во рту у неё что-то двигалось. То ли семечки, то ли конфета, то ли карамель — Александр сначала не понял. Но жевала она основательно, без суеты, словно это жевание входило в перечень должностных обязанностей.

Другая — лет пятидесяти пяти–шестидесяти пяти, с интеллигентными очками в тонкой оправе, с опрятным видом, с причёской, которая явно требовала времени и лака. В её облике чувствовалось что-то дисциплинированное, библиотечное, но без теплоты. Не строгая доброжелательность, а устоявшаяся служебность.

Выглядела она важно, сидя за стойкой, словно за ней не библиотека, а приёмная заместителя министра культуры.

Александр подошёл, держа в руке листок с названием книги и своим псевдонимом. Он был спокоен, как и положено человеку, пришедшему с добрым намерением.

— Здравствуйте! — обратился он, и его голос звучал уверенно, с лёгким юридическим оттенком, отработанным годами консультаций. — Я автор. Желая подарить экземпляр книги библиотеке. Как тут обстоит дело с этим? Принимает ли библиотека в дар книги?

Женщины оживились. Особенно та, что в очках — её глаза за стеклами очков заблестели, словно она услышала слово «автор», и это слово автоматически перевело её в режим повышенного внимания.

— Да! Понимаем любые книги, — с готовностью отозва-

лась женщина в очках. — Какую вы хотите отдать?

Александр на секунду опешил: «Понимаем»? Вместо «принимаем»?

— Простите? — переспросил он.

— Понимаем, — повторила она, теперь уже с лёгким раздражением. — Ну, принимаем. Приносят — и оставляют.

Александр почувствовал внутреннее напряжение. Слово «отдать» прозвучало слишком по-бытовому, словно речь шла о старом чемодане или коте, которого выставляют за дверь.

— Я хочу преподнести книгу в дар, а не отдать как макулатуру, — спокойно ответил он, и в его тоне появилась лёгкая сталь, та самая, что появлялась, когда клиенты пытались доказать, что налоги — это добровольное пожертвование государству.

— Да у нас запросто, — вмешалась охранница, и её голос был густым, с придыханием, словно она только что откусила большой кусок сосиски и не до конца его прожевала. — Приносите, и книги больше не ваши.

Обе женщины хихикнули. Александр посмотрел на них. Охранница жевала что-то во рту — явно семечки или конфету, — и её щёки двигались в такт смешку. Интеллигентша прикрыла рот ладонью, но глаза смеялись.

— Моя книга не хлам, — повторил Александр, и теперь в его голосе звучало негодование, приглушённое вежливостью. — Я хочу в фонд библиотеки подарить, и мне нужно

знать, какие для этого есть процедуры.

— Тогда вам к директору нужно, если вы хотите официально, — отозвалась интеллигентша, и в её голосе появилась отстранённость, словно она сняла с себя ответственность за происходящее, переложив её на плечи невидимого начальника.

В этот момент по лестнице, ведущей на второй этаж, раздался отчётливый цокот каблуков. Звук был властным, ритмичным, словно марширующий отряд, но состоящий из одного человека. Из проёма лестницы появилась женщина.

Она была полновата, но не тяжеловесна — скорее, основательна. Одета была важно: костюм тёмного цвета, который явно шился на заказ или покупался в дорогом магазине для чиновниц среднего звена. Но главное — волосы. Высокий начёс, тщательно уложенный, с лаком, который, казалось, держал причёску в состоянии невесомости. Лицо было бледным, почти восковым, с ярко выраженным румянцем на скулах — тем самым советским румянцем, который должен был создавать видимость здоровья, но на деле напоминал о театральном гриме.

Она важно спустилась по ступенькам, каждый шаг отмеряя так, словно под ней были не линолеум, а красная дорожка. Встав у стойки напротив Александра, она окинула взглядом сцену происходящего. Её взгляд был быстрым, оценивающим, профессиональным — взглядом человека, который привык решать, кто достоин внимания, а кто может подо-

ждать у дверей.

Александр понял мгновенно. Вся власть, вся процедура, вся бюрократическая логика сосредоточены в этой женщине. Он повернулся к ней, и его внутренний бухгалтер уже начал вести учёт: возраст — около пятидесяти пяти, должность — явно начальствующая, манера — формально-вежливая, но с задней мыслью.

— Здравствуйте! — обратился он. — Вы тут главная в этой библиотеке?

Женщина выпрямилась ещё сильнее, и её начёс слегка дрогнул, но устоял.

— Да, я главная! — ответила она, и в её голосе звучала абсолютная уверенность в собственной главности. — Что вы хотели?

Александр начал своё досье. Он рассказал о себе — автор, писатель, живёт в городе недавно. О написанном и опубликованном сборнике рассказов. О том, что книга продаётся успешно на всех интернет-площадках. И о желании подарить один экземпляр библиотеке.

— Хорошо, покажите мне книгу, — ответила главная, и протянула руку — белую, с маникюром, — словно книга уже должна была материализоваться в её ладони.

— У меня нет с собой печатного экземпляра книги, — честно признался Александр. — Я пришёл на разведку, узнать для начала процедуру.

Главная опустила руку. Её брови, нарисованные тонкими

дугами, слегка приподнялись.

— У нас есть сайт, вся информация на ней указана, — сказала она, и в её голосе появилась нотка упрека, словно он должен был знать это до рождения.

— У вас сайт давно не работает, — ответил Александр, и в его голосе звучала усталость человека, который проверял факты. — Я ещё на этапе написания книги увидел нерабочий сайт библиотеки, перед тем как появилось желание подарить написанную книгу.

Главная замерла. Она достала свой смартфон — дорогой, в чехле со стразами, — и начала тыкать пальцем в экран. Её ногти, покрытые красным лаком, стучали по стеклу.

— Да? — она удивилась, и это удивление звучало искренне, хотя и неуместно. — Да, вы правы. Сайт не работает.

Она посмотрела на Александра, и в её глазах промелькнуло что-то похожее на раздражение — не на него, а на технический сбой, который выбил её из колеи привычных отговорок.

— Но чтобы принять в дар, нужно ознакомиться с ней, — сказала она, возвращаясь к бюрократической броне.

— Я могу электронную версию предоставить, — предложил Александр. — Или отрывки из неё можете прочитать на сайте самиздата. Там моя авторская страница, и я выкладываю куски написанных произведений на ознакомление.

— Хорошо, давайте ссылку, — кивнула главная.

Александр написал на листочке бумаги название сайта и

своё имя — псевдоним Юрий Верхолин — и название книги, цикл рассказов «Кухня». Он даже предложил:

— Вы можете сейчас в вашем телефоне предварительно зайти на этот сайт, у сайта есть своё приложение с хорошей читалкой.

— Нет, я телефон давать не буду и сейчас ничего производить с ним не собираюсь, — отрезала она, и в её голосе звучала непрекаемость человека, который не доверяет интернету и всему, что связано с этими вашими электронами.

Александр даже не сразу понял, к чему относится эта реплика.

— Я не прошу вас давать мне ваш телефон, — спокойно сказал он. — Я могу показать со своего.

Но она уже внутренне закрылась. Было видно, что слово «телефон» запустило в её голове какой-то собственный сценарий опасности, и возвращаться к логике она не собиралась.

— Хорошо, на компьютере это тоже доступно, можно спокойно ознакомиться с моим произведением.

— Вы оставьте ваш телефон, я ознакомлюсь и позвоню, — приказала она, протягивая листок обратно для дописывания номера.

Александр написал свой номер. Потом, собрав волю в кулак, спросил:

— Как насчёт официальной передачи книги в дар? Оформить документально или сделать памятное фото момента передачи книги в дар?

Главная поморщилась, словно он предложил ей съесть что-то протухшее.

— У нас документально ничего не оформляется, — сказала она легко, словно это было очевидно для любого здравомыслящего человека. — Просто приходят и оставляют. Вон, какой-то автор приезжал. Оставил книгу и уехал. Мы даже имени не запомнили. Насчёт памятного фото я могу уточнить у директора.

На этом этапе персонажи приветливо попрощались. Александр вышел из библиотеки. Уходя, он почувствовал, как по спине пробежал холодок — не от ветра, а от внутреннего предчувствия. Она не будет ничего читать. И не перезвонит.

Но Александр был упрям. Это качество необходимо бухгалтерам, чтобы сводить баланс, и юристам, чтобы выигрывать дела. Спустя пару дней, во время интернет-сёрфинга, он наткнулся на официальную группу библиотеки в одной из известных социальной сети. Сайт не работал, контактов не было, даже имени главной он не знал — она так и не представилась. Но в группе, в разделе контактов, висел единственный номер телефона.

Он позвонил. На том конце трубки раздалось:

— Алло! Библиотека слушает.

— Это центральная библиотека Павловского Посада? —

уточнил Александр.

— Да, это библиотека посадская. Что вы хотели?

Эта формулировка прозвучала настолько своеобразно, что Александр на секунду даже отвлёкся от сути разговора. «Библиотека посадская» — в этом было что-то местно-устойчивое, почти былинное. Не официальное учреждение культуры, а как будто отдельный характер, отдельное существо со своей речью и собственной медлительной логикой.

— Я автор книги, недавно я приходил в библиотеку с предложением принять в дар книгу.

В трубке раздалась тишина. Потом шуршание — кто-то прикрыв ладонью микрофон, переговаривался с кем-то. Потом снова цокот каблучков — тот самый звук, уже знакомый Александру. И в трубке раздался другой голос — женский, молодой, немного растерянный.

— Я вас слушаю!

Александр снова построил свою цель, как юридическое заключение. Уточнил, что готов предоставить электронный экземпляр дистанционно — через электронную почту, через форму обратной связи в группе.

— Вы можете прислать в форме обратной связи, — сказала девушка, и связь прервалась, словно кто-то рубил провод топором.

Александр подготовил электронный экземпляр книги в PDF-формате, с иллюстрациями, скачанными с издатель-

ского сайта. Открыл группу в социальной сети, прикрепил файл, отправил. Файл был тяжёлым — мегабайты юмора и сарказма упаковались в цифровой конверт и полетели в неизвестность.

На экране появилась стандартная надпись об успешной отправке. Она, конечно, ничего не доказывала. Такие надписи созданы не для подтверждения реальности, а для временного успокоения пользователя. Александр слишком хорошо это понимал, чтобы довериться одной строчке на экране.

Потом он снова набрал тот номер. Ответила та же женщина, снова цокот каблучков, и снова голос той девушки.

— Здравствуйте, я послал вам через форму обратной связи электронную версию книги на ознакомление. Хочу проверить, что экземпляр дошёл до вас.

В трубке раздались щелчки по клавиатуре — кто-то судорожно нажимал кнопки мышки. Потом возня, шелест бумаг, и снова голос:

— Да, я получила её. Ознакомлюсь и дам знать.

Фраза была короткой, вежливой и именно поэтому двусмысленной. С одной стороны, файл дошёл. С другой — «ознакомлюсь и дам знать» могло означать что угодно: что она действительно прочитает, пролистает пару страниц, отложит на потом.

Александр положил трубку и на секунду задержал взгляд на мониторе. Теперь он был заложником этой девушки, которая возможно, читает его книгу, а возможно, просто ска-

чала её на рабочий компьютер, чтобы убить время во время обеденного перерыва.

Ещё спустя несколько дней Александр возвращался из поликлиники — отоларинголог посмотрел его горло, сказал, что это аллергия на строительную пыль, и посоветовал меньше дышать воздухом улицы, что в условиях посадской стройки было словно совет меньше есть.

Александр тогда даже не стал спорить. Он только кивнул. Что тут скажешь? Меньше дышать в районе, где воздух представляет собой тонкую смесь цемента, извести и муниципального оптимизма, — совет, безусловно, ценный. Поликлиника находилась в центре, в двух шагах от библиотеки. Стоял конец марта, снег давно растаял, обнажив мокрую землю и прошлогоднюю траву. День был ветреным, но солнечным — редкое сочетание для ранней весны. Он решил зайти снова.

Снова холл, снова стойка.

Внутри его встретила неожиданность. Свежий ремонт ощущался сразу, буквально на уровне первого шага. Воздух был чистым, сухим, без той тяжёлой библиотечной затхло-сти, которую Александр ожидал почувствовать по инерции. Стены ровные, светлые, аккуратно окрашенные. Пол — чистый, без въевшейся грязи. Стеллажи выглядели новыми, ровными, выстроенными по линейке. Внешне — обновлённое пространство, почти образцовое, готовое к фотографирова-ниям и официальным визитам. Но внутри этого пространства

всё равно оставалась та самая организационная инерция, которую невозможно перекрасить или заменить мебелью.

Те же: охранница — всё так же жующая что-то невидимое, и администраторша с интеллигентными очками.

— Я тот самый автор, — представился Александр. — Приходил к вам несколько дней назад по поводу дарения книги в фонд библиотеки.

— Хорошо, — сказала женщина в очках, и набрала номер на телефоне.

Спустя пару минут по лестнице спустилась главная. Она увидела Александра, и её лицо — уже снова с ярким румянцем, свеженанесённым, видимо, к обеду — приняло выражение лёгкого раздражения, смешанного с профессиональной вежливостью.

— С какой целью вы пришли? — спросила она, хотя цель была очевидна.

Александр ответил, что из поликлиники поблизости и решил зайти узнать, как продвигается прочтение книги.

— Прежде чем я отвечу, — она вдруг выпрямилась, и её начёс вздрогнул, — представляюсь. Я заместитель директора — Надежда Архиповна.

Имя «Надежда» прозвучало иронично, учитывая, что надежды на быстрое решение вопроса таяли с каждым днём.

— Я не читаю вашу электронную книгу, — заявила Надежда Архиповна. — Её читает наша помощница. Давайте вас ей представлю, вы с ней обсудите все вопросы. Заодно

можете обсудить вопросы по поводу литературного вечера, который проводится раз в неделю по средам.

Она повернулась и важно зашагала к лестнице. Александр последовал за ней, чувствуя себя школьником, которого ведут к директору, хотя сам он давно перерос эту стадию.

На втором этаже, в зале, который пах ещё сильнее старыми книгами и плесенью, крутилась молодая девушка со светлыми волосами, собранными в небрежный пучок. Она была контрастом Надежде Архиповне — хрупкая, немного растерянная, с глазами, которые бегали по залу, словно она искала выход из ловушки.

Живое впечатление оказалось сильнее. Ровные светлые пряди, хрупкая фигура, немного растерянное выражение лица. Глаза у неё действительно бегали — не от хитрости, а от постоянной необходимости ориентироваться в чужих ожиданиях. На фоне тяжёлой, уверенной, нарумяненной Надежды Архиповны она казалась ещё более тонкой, почти прозрачной. Дарья была встроена в систему, как кнопка в старый советский калькулятор.

— Вот автор, — представила Надежда Архиповна Александра помощнице. Помощница посмотрела внимательно на Александра и кивнула — не ему, а своей начальнице.

— Я вас оставляю, — сказала заместитель директора. — Вы можете обсудить прочтение книги.

Дверь за ней закрылась с мягким шипением, оставляя Александра один на один с системой, где у каждого было

строго своё место.

— Как у вас идёт прочтение моего произведения? — спросил Александр. — Есть ли вопросы по содержанию? Скоро в город прибудет небольшая партия тиража этой книги, и хотелось бы один экземпляр в дар библиотеке вручить.

Девушка — её звали Дарья, как выяснилось в процессе разговора — посмотрела на него с смесью сочувствия и беспомощности. Она понимала ситуацию, видно было, что она понимает абсурдность происходящего, но была встроена в систему так глубоко, что не могла повлиять на неё, не рискуя собственным положением.

— Вопросов нет по содержанию, — сказала она мягко. — Вы очень необычно пишете и современно. Я её ещё читаю. Фраза была осторожной, но в ней чувствовалась настоящая реакция. Не заученная, не формальная.

— Необычно — это хорошо? — уточнил Александр.

Она улыбнулась, уже чуть увереннее:

— Скорее да.

— Мне сказали, что у вас литературные посиделки проводятся раз в неделю, — вспомнил Александр. — Что там происходит и кто приходит?

— В каждую среду недели собираются в основном поэты, — ответила Дарья, и в её голосе звучала усталость, словно поэты утомляли её своей многоречивостью. — Обсуждают и читают стихи.

Александр представил себе эту картину. Он — автор

прозы, съевшей не один десяток бухгалтерских отчётов и юридических заключений, — среди поэтов, которые читают строки про «крики души» и «падающие листья осени». Это было как прийти на собрание мотоциклистов с калькулятором.

— Это совершенно не мой контингент, — честно признался он. — Я автор большой художественной книги, а они поэты. Среди поэтов я буду как чужой. Мне их тематика не интересна. В этом случае, я могу прийти и презентовать коротко свою книгу?

— Есть ли у вас ещё что-то к этой презентации, фотографии или иллюстрации? — спросила Дарья, и в её глазах промелькнул интерес профессионала, который ищет способ разнообразить скучные среды.

— Да, есть, — ответил Александр. — У меня готовится финальный ролик к сборнику рассказов «Кухня». Это несколько роликов в видео-презентации.

— Вот и отлично, — оживилась Дарья, и её лицо на мгновение потеряло растерянность. — Вы вашу приветственную речь сопроводите потом своим роликом.

После уточнения этих мелких вопросов Александр покинул библиотеку. Выходя, он подумал, что мир делится на тех, кто читает книги, и тех, кто учитывает их поступление на баланс. Он принадлежал ко второму типу, и это было его проклятие и дар.

Неделя прошла в ожидании. Александр следил за почтой,

за сообщениями. Наконец, пришло уведомление: книги прибыли в пункт выдачи заказов на Привокзальной площади. Он отправился туда.

Пункт выдачи представлял собой небольшое помещение, забитое коробками.

Однако, к удивлению Александра, проходы между стеллажами были свободны — никаких коробок на полу, никаких препятствий. Кто-то хорошо поработал над логистикой. Он смог спокойно пройти к стойке, не лавируя и не огибая горы картона. «Добрый знак», — подумал он.

Девушка за стойкой, молодая, с татуировкой на запястье в виде бесконечности, с улыбкой посмотрела на него, когда он назвал номер заказа. Улыбка была странная.

Не служебная, не дежурная, не из тех, что отработываются вместе с фразой «здравствуйте, назовите номер заказа». В ней было что-то чуть более внимательное, чуть более личное. На секунду у Александра мелькнула мысль: а не читала ли она книгу? Абсурдная мысль, конечно. Слишком короткий промежуток времени, слишком случайное совпадение. Но мысль появилась.

И осталась. Она достала коробку, и взгляд её стал каким-то особенным — словно она знала, что в коробке, и этот факт вызывал у неё интерес. Возможно, она прочитала книгу или слышала о ней. А возможно, ей просто нравился сам Александр — он не мог понять. Девушка пожелала ему хорошего дня с приветливой интонацией, в которой слышался

лёгкий намёк, смысла которого Александр не уловил.

Он спустился по крыльцу, поставил коробку на бортик газонной ограды. Вокруг шумел вокзальный переулочек, проезжали маршрутки. Ему вдруг захотелось немедленно проверить содержимое — не из недоверия, а из того особого трепета, с которым автор вскрывает тираж собственной книги. Он вытащил ключи, подобрал самый подходящий ключ — тот, что с зубчатым краем, — и начал вскрывать коробку. Картон поддавался с сухим хрустом. Из щели потянуло свежей типографской краской и клеем — запахом, который не спутать ни с чем. Александр на секунду замер, впуская этот запах в себя. Внутри лежали они: пять экземпляров «Кухни». Яркая, цветастая обложка сразу бросалась в глаза, обещая читателю нечто живое и остроумное. Всё было в порядке.

Александр достал из рюкзака заранее приготовленный пакет — плотный, с двумя ручками, который всегда лежал у него на такой случай, потому что бывший бухгалтер привык к порядку и готовности к любым бытовым неожиданностям. Он аккуратно переложил все пять книг в пакет, коробку сплющил и засунул в ближайшую урну. Время было подходящее. Библиотека находилась в двух остановках от вокзала. Можно было доехать на автобусе, но Александр решил пройти пешком — книги были дороги, и он хотел насладиться моментом.

Он шёл неспешно, чувствуя, как пакет слегка оттягивает руку. Ветер поднимал с асфальта сухую дворовую пыль, но

теперь это не раздражало. Пыль была частью этого города, частью пути. Он даже поймал себя на мысли, что запоминает эту дорогу — дома, деревья, покосившуюся оградку, лавку у подъезда.

Он набрал номер Дарьи. Она ответила, и её голос звучал отдалённо, словно она была на другом конце города, а не в паре кварталов.

— Меня нет на месте, выходной, — сказала она. — Но передать книгу можно и так, директор должна быть на месте.

Александр отправился в библиотеку. Шёл он не спеша, прижимая к груди пакет с книгами. От вокзала до библиотеки действительно оказалось всего две остановки, но пешком это заняло минут двадцать. Он вошёл в знакомый холл.

За стойкой сидела другая охранница — тоже пухлая, тоже в синей униформе, но другая. Видимо, пересменка. Другая смена. Эта жевала что-то более твёрдое — по звуку было похоже на яблоко или сухарь.

— Что вам? — спросила она, не прекращая жевать.

— Мне к директору, — сказал Александр. — Я как автор, сюда приходил ранее насчёт передачи книги в дар.

— Директора нет на месте, — ответила пухлая охранница, и её щёки продолжали двигаться в жевательном ритме.

— Как нет? — удивился Александр, и в его голосе зазвучало недоумение, переходящее в досаду.

— Нет и всё, — философски ответила охранница лет пятидесяти пяти, словно отсутствие директора было таким же

естественным явлением, как смена дня и ночи. — Она на конференции бывает, она всегда занята.

— Мне по телефону сказали, — возразил Александр, и его рука невольно сжала пакет крепче.

— Кто сказал? — спросила охранница, и в её глазах появился подозрительный блеск, словно она ловила его на противоречии.

— Сотрудница библиотеки, — ответил Александр, и его терпение начало трещать по швам, как старый бухгалтерский регистр.

На громкий разговор сверху — с лестницы, ведущей на второй этаж, — раздался цокот каблуков. Но прежде чем Надежда Архиповна появилась, Александр услышал странный звук: приглушённый, резкий выдох, похожий на «пфф». Это было не чихание, а скорее предчих. Потом шаги ускорились, и на лестничном пролёте показалась сама замдиректора.

Она была, как всегда, при полном параде: тёмный костюм, высокий начёс, румянец. Но лицо её выглядело чуть припухшим, глаза слезились. Не успела она сделать и трёх шагов, как её плечи судорожно вздрогнули, и из груди вырвалось первое чихание: «Апчихи!» — громкое, неожиданное, оно эхом разнеслось по холлу. Охранница даже перестала жевать.

— Будьте здоровы, — машинально сказал Александр.

Надежда Архиповна, не глядя на него, кивнула и доста-

ла кружевной платочек. Она вытерла нос, поправила начёс и важно спустилась до конца.

— Здравствуйте, — произнесла она, но голос её звучал гнусаво. — Что вы...

Она не договорила. Глаза её округлились, она резко отвернулась в сторону и чихнула во второй раз, уже в сгиб локтя: «Апчхи-и-и!» — чих был протяжным, почти музыкальным.

— Будьте здоровы, — повторил Александр, с трудом сдерживая улыбку.

— Спасибо, — пробормотала Надежда Архиповна, шмыгая носом. — Простудилась, видимо. Всё эти сквозняки... в библиотеке старые окна.

Она подошла к стойке, встала напротив Александра. Её лицо снова исказилось — она замерла, приоткрыв рот, но чихание не приходило. Секунда, другая, третья. Наконец, когда Александр уже открыл рот, чтобы заговорить, Надежда Архиповна чихнула в третий раз: «Апчхи!» — коротко, почти жалобно, и тут же промокнула глаза платком.

— Будьте здоровы! — сказал Александр уже в третий раз, и в его голосе прозвучало что-то среднее между сочувствием и лёгким раздражением.

Из-за стойки донеслось: «Надежда Архиповна, может, чаю с малиной?» — охранница наконец очнулась.

— Не надо, — отмахнулась замдиректора. — Это просто... аллергия. Или простуда. Всё пройдёт.

Она выпрямилась, постаралась придать лицу прежнее

важное выражение, но глаза всё ещё слезились, а голос оставался гнусавым.

— Что вы хотели? — спросила она, хотя прекрасно знала.

— У меня есть готовый экземпляр печатной книги для передачи в фонд библиотеки, — сказал Александр и достал из пакета один экземпляр. Книга была толстая, с яркой обложкой.

Надежда Архиповна взяла её, и её глаза — даже сквозь слёзы — вспыхнули интересом. Не литературным, а владельческим.

— Вы можете её нам оставить, — сказала она, шмыгнув носом. — У нас не принято оформлять книги документально, особенно в дар. Выдать справку мы тоже не можем.

Она открыла белую дверь рядом со стойкой и крикнула:

— Галь! Подскажи, как оформить официально передачу книги... Апчхи!.. из руки в руки.

Чиханье вклинилось прямо в середину фразы, но Галь — худая женщина в сером халате — поняла и без слов.

— У нас нет процедуры, — сказала Галь, выходя и поправляя очки. — Мы это ни разу не делали.

Александр посмотрел на Надежду Архиповну. Та стояла, промокая нос, и выглядела почти жалко, но в глазах её читалось то же упрямство.

— Я не могу просто так вам её вручить, — сказал Александр. — Это неправильно. Давайте сфотографируем момент передачи. Я размещу фото на своей литературной стра-

нице.

Надежда Архиповна ответила, шмыгнув:

— Вы можете попробовать. У нас камеры тут повсюду. Они фиксируют.

— Нет, я не могу, — твёрдо сказал Александр. — Я требую нормальной процедуры. Ваши камеры возможно сейчас уже не работают или выключены.

— Хорошо, — ответила Надежда Архиповна и снова чихнула — четвёртый раз, но уже в платок. — Как директор появится, мы вам позвоним. И сообщим дату и время встречи.

Александр убрал книгу обратно в пакет и ушёл из библиотеки опустошённый. Он чувствовал себя человеком, который пришёл в банк положить деньги, а его обвинили в попытке ограбления. Уходя, он оглянулся. Надежда Архиповна стояла у стойки, утирая нос, а охранница что-то участливо ей говорила. Система дала сбой, но не сдалась. Увидев, что Александр смотрит на них, охранница махнула на него рукой — мол, иди, мы заняты важными делами. Её жест был грубым, отрешающим, словно она отмахивалась от назойливой мухи.

Александр улыбнулся. Даже простуда не смогла разбудить в этой женщине человеческое отношение к книге. Или наоборот — смогла, но она упорно его прятала за чиханием и бюрократией.

Александр пришёл домой, поставил пакет с книгами на стол, включил компьютер и сел, уставившись в монитор. До-

ма было тихо, только часы на стене тикали с утомительным спокойствием. Кот Баюн подошёл к нему, потёрся о ноги, тихо мурлыча, затем легко прыгнул на колени и удобно устроился там, свернувшись клубком. Александр машинально погладил кота, но взгляд его оставался прикован к монитору. Мысли всё ещё кружились вокруг библиотечного абсурда: «камеры фиксируют», «просто оставьте», чихающая Надежда Архиповна. Он почувствовал, как внутри нарастает глухое раздражение — не на конкретных людей, а на саму систему, где отсутствие процедуры считается нормой. Пальцы сами потянулись к клавиатуре, но не для того, чтобы писать. Они замерли над клавишами, как музыкант перед первой нотой, забывший мелодию. Александр вдруг поймал себя на мысли, что хочет не просто зафиксировать случившееся, а разобрать его на части — как бухгалтер разбирает запутанную отчётность, где итог не сходится с итогом. Кот Баюн на коленях согласно мурлыкнул, словно одобряя такой подход. «Почему они не знают процедуры? — подумал Александр. — Потому что никто никогда не требовал. Потому что авторы приходят, отдают книги и уходят, а библиотекари вздыхают с облегчением: обошлось без бумажек. Но бумажки — это не враг. Бумажки — это единственное, что превращает подарок в факт, а не в забытый свёрток на полке».

Он начал делать выводы.

«Итак, — мысленно произнёс он, как когда-то в суде перед подачей иска, — факт первый: библиотека не имеет ре-

гламента приёма книг в дар. Факт второй: заместитель директора предлагает "просто оставить" без расписки. Факт третий: в качестве альтернативы названы камеры, которые "возможно работают". Факт четвёртый: сотрудница Галина (Галя) призналась, что ничего подобного никогда не оформляли». Кот Баюн на коленях приоткрыл один глаз, словно проверял, не перепутал ли хозяин факты, и снова зажмурился. «Вывод, — продолжил Александр, — проблема системная. Не в Надежде Архиповне дело. Дело в том, что никто сверху не спросил: "А как вы учитываете подарки?"

Ситуация была неправильной. Нелепой. Абсурдной. Библиотека — учреждение, которое должно работать с книгами, — отказывалась оформлять дарение по какой-либо процедуре. Её сотрудники вели себя так, будто книга была не культурной ценностью, а обузой, от которой нужно избавиться побыстрее. А он, автор, который хотел сделать доброе дело, чувствовал себя просителем, которого пытаются спровадить под любым предлогом.

Нужно было выходить на директора. Но как? Где её искать? Он даже имени её не знал. «А что, если Надежда Архиповна и есть директор? — вдруг подумал Александр. — Просто играет роль заместителя, чтобы отсеивать назойливых дарителей. Приходит важный человек — она превращается в директора. Приходит автор с книгой — она замдиректора, который ничего не решает. Удобная схема: всегда можно сослаться на несуществующего начальника». Кот Баюн на

коленях шевельнул ухом, будто услышал что-то интересное. «Но это только предположение, — продолжил Александр. — Сейчас проверю через официальные источники. Алиса покажет, кто есть кто. Если директор — другой человек, значит, моя паранойя зашла слишком далеко. А если нет... тогда всё ещё хуже: они обманывают всех подряд».

— Алиса, — обратился он к умной колонке, стоящей на полке. — Найди мне официальные контакты центральной библиотеки Павловского Посада.

Монитор мигнул. Браузер открылся сам собой, и на поисковой строке Яндекса появились слова: «официальные контакты библиотеки Павловский Посад». Результаты поиска побежали вниз, строчка за строчкой, словно кто-то невидимый листал страницы.

Курсор мыши задвигался самостоятельно, подполз к искомому результату, кликнул. Открылся официальный сайт администрации городского округа. Курсор перешел на вкладку «Культура», кликнул, потом — «Учреждения культуры». Появилась страница с контактами.

Александр прочитал:

«Центральная библиотека. Московская область, г. Павловский Посад, ул. Выставкина, д. 1. Директор — Марина Геннадьевна. Заместитель директора — Надежда Архиповна. Тел. 5-15-**. Электронный адрес: rapr_bibliotpp@mosreg.ru».

— Вот что я нашла! — сказала из колонки Алиса. — По

этим контактным данным вы можете связаться напрямую с директором Мариной Геннадьевной.

Александр смотрел на экран. Теперь у него было имя директора, электронная почта, телефон. Но что-то подсказывало ему: обычный звонок или письмо не дадут результата. Александр на секунду задумался. «Значит, не притворяется. Надежда Архиповна — действительно заместитель. А директор — Марина Геннадьевна — человек-невидимка, о которой никто не говорит. Но тогда абсурд становится ещё глубже: у библиотеки есть директор, но его как будто нет. Все отсылают к нему, но никто не знает, как его найти. Даже имени никто не назвал, пока я сам не нашёл». Он почесал ко-та за ухом. Кот Баюн довольно замурлыкал, словно говоря: «Вот видишь, не всё так просто. Живые люди сложнее бумажек». «Ладно, — решил Александр. — Директор у них есть. Теперь нужно понять, как до него достучаться. Может, и не придётся идти к главе города».

Библиотека уже показала, как она относится к вопросам, требующим официального решения.

— Алиса, а ты уверена, что это правильные контакты? — спросил он.

— Я всегда уверена, — ответила колонка с лёгкой обидой в голосе. — Я проверила три источника. Сайт администрации, справочную службу и базу данных муниципальных учреждений.

— Ты лучше моей бывшей секретарши, — усмехнулся

Александр.

— Спасибо. Я ценю комплименты, даже такие.

— Но вы можете обратиться напрямую к главе администрации для ускорения решения вопроса, — предложила Алиса.

Александр задумался. Глава города? Это звучало серьезно. Может быть, даже слишком серьезно для ситуации с одной книгой. С другой стороны, если библиотека не реагирует на обращения автора, если её сайт не работает, если её сотрудники не знают (или делают вид, что не знают) процедур приема книг в дар — значит, проблема глубже, чем просто нежелание возиться с документами.

— Как я напишу главе города, если нужно его контакты достать, и при том, что обращение нужно составить юридически грамотно? — спросил он, скорее у самого себя, чем у колонки.

— Я нашла его горячую линию в мессенджере Макс, — ответила Алиса. — Хотите, я сделаю это быстрее, за вас, составлю обращение и отправлю главе города?

Александр помедлил. ИИ-помощник, который пишет жалобы на муниципальное начальство? Это было что-то новое. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Алиса уже показала, что умеет искать информацию быстрее и эффективнее человека.

— Хорошо. Давай, — согласился он.

Курсор на мониторе снова ожил. Он кликнул по иконке

мессенджера Макс на рабочем столе. Через несколько секунд в поисковике мессенджера, в разделе «Каналы», появились буквы: «Павлово-Посадский г.о. Chat». Курсор нажал «Вступить в чат».

Александр смотрел, как открывается чат. Жители города писали различные жалобы, прикладывая фотодоказательства. Кто-то жаловался на потоп во дворе, кто-то — на разбитые стекла на остановке, кто-то — на сломанный скворечник, кто-то — на неубранный мусор на площадках. Мелькали фото луж, разбитых тротуаров, покосившихся заборов. Городская жизнь во всем её неприглядном многообразии.

Тем временем невидимая рука Алисы начала печатать текст в форме «Написать сообщение». Александр смотрел, как появляются строки. Но Алиса вдруг остановилась.

— Я подготовила три варианта, — сказала она. — Официально-деловой, эмоциональный и с юмором. Какой предпочитаете?

Александр задумался на секунду.

— А давай-ка для начала озвучь эмоциональный и с юмором. Интересно, как это звучит.

Алиса чуть помедлила.

— Эмоциональный вариант: «Я, автор, искренне хотел подарить книгу родной библиотеке, но столкнулся с равнодушием и отсутствием какой-либо процедуры. Обидно, когда доброе дело превращается в мытарство».

Александр хмыкнул.

— Слишком слезливо. Не моё. Дальше.

— Вариант с юмором: «Уважаемый глава города! В библиотеке мне предложили "просто оставить" книгу, а в качестве расписки — камеры наблюдения. Я, конечно, рад, что за мной следят, но всё же хотелось бы официальный акт приёма-передачи. Не могли бы вы помочь?»

Александр улыбнулся.

— Остроумно, но безопасно. Однако в администрации могут не оценить даже такой лёгкий юмор. Решат, что я ерничаю.

Он почесал кота за ухом и вздохнул.

— Ладно, давай официально-деловой. Только добавь фразу «с уважением к закону»

— Принято.

Алиса продолжила печатать:

«Уважаемый глава города!

Я, Александр, являюсь автором опубликованного сборника юмористических рассказов «Кухня», жителем города Посад. В порядке добровольного дарения я обратился в центральную городскую библиотеку с намерением передать один экземпляр моей книги для пополнения фонда.

В ходе общения с сотрудниками библиотеки (заместителем директора Надеждой Архиповной, а также иными лицами) я столкнулся с отсутствием какой-либо регламентированной процедуры приема книг в дар. Мне было предложено «просто оставить книгу», без оформления акта приема-пе-

передачи, без выдачи подтверждающего документа, без фиксации факта передачи.

На мое предложение провести фотосъемку момента передачи в качестве подтверждения был получен ответ о наличии камер видеонаблюдения, которые, по мнению сотрудников, могут заменить документальное оформление.

Считаю ситуацию недопустимой, поскольку:

— библиотека как муниципальное учреждение культуры обязана учитывать поступающее в фонд имущество в установленном порядке;

— передача имущества без оформления создает риск его неучета, утраты или использования не по назначению;

— подобная практика может свидетельствовать о нарушении порядка учета муниципального имущества, что противоречит требованиям Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и иным нормативным актам.

Прошу:

— разъяснить установленный в городском округе порядок приема книг в дар муниципальными библиотеками;

— дать оценку действиям сотрудников центральной библиотеки, выразившимся в отсутствии информирования гражданина о надлежащей процедуре и предложении «просто оставить книгу» без оформления;

— содействовать решению вопроса о принятии книги в фонд с соблюдением всех необходимых формальностей.

Готов передать книгу официально, с оформлением соответствующих документов.

С уважением к закону,
Александр».

— Отлично, — сказал Александр. — Теперь процитируй статьи законов. Для убедительности.

Алиса добавила в скобках ссылки на федеральные законы. Александр прочитал, кивнул, потом сам внёс небольшую правку — заменил «прошу» на «настаиваю на разъяснении». Пальцы быстро пробежали по клавиатуре, курсор мигнул, буквы встали на свои места.

Курсор мыши двинулся к кнопке «Отправить». Александр смотрел, как сообщение уходит в общий чат, как оно появляется среди жалоб на потопы и разбитые остановки. Через несколько секунд раздался звук, и на отправленном сообщении появились двойные галочки.

— Сообщение прочитано администрацией, — прошептал про себя Александр.

Он перевёл взгляд на окно. Там, на пустыре, продолжали громыхать строительные машины, поднимая тучи пыли. Дворец культуры снесли, и на его месте скоро вырастет огромный парк с активностями. Краны двигались, самосвалы разгружались, рабочие в оранжевых жилетах сновали между строительными лесами. Но здесь, в его кабинете, царил порядок. Он сделал всё, что мог. Он попытался подарить книгу. Он потребовал процедуры. Он обратился к власти.

Теперь оставалось ждать. Ждать, пока система, которая поглощает книги без расписок, которая читает их охранниками и заместителями, которая мигала глазом вместо того, чтобы ставить печать, — заработает по правилам. Или нет.

Александр откинулся в кресле медленно, как человек, который не отдыхает, а завершает этап.

Спина коснулась спинки, руки на секунду повисли в воздухе, затем легли на подлокотники. Он не закрывал глаза. Не расслаблялся. Просто остановился. Это была пауза между действием и ожиданием — самой неприятной частью любого процесса, если ты привык контролировать его от начала до конца.

Монитор перед ним всё ещё светился. Сообщение было отправлено. Двойные галочки стояли на месте, как печати, подтверждающие факт доставки, но ничего не говорящие о содержании ответа. *Прочитано — не значит понято. Понято — не значит принято. Принято — не значит решено.*

Александр знал это слишком хорошо.

Стройка за стеклом жила своей отдельной жизнью, в которой всё, наоборот, двигалось без пауз. Там не было ожидания. Там были сроки, техника, задачи и люди, которые их выполняли. Краны вытягивались вверх, как будто пытались ухватить небо за край. Самосвалы медленно ползли по разбитому грунту, оставляя за собой тяжёлые следы. Рабочие в оранжевых жилетах перемещались между этими машинами, как элементы сложной схемы, где каждый знает своё место.

Пустырь, который ещё недавно был просто пространством с озером и зимним паром, постепенно исчезал под слоями будущего благоустройства.

Город создавал «парк с активностями».

Александр смотрел на это и думал, что слово «активности» здесь пока звучит слишком оптимистично. Сейчас это была активность бетона, пыли и техники. Но в этом хаосе хотя бы была логика. Там знали, что делают. Даже если результат ещё не был виден.

Он перевёл взгляд на стол.

Пакет с книгами лежал на прежнем месте.

Тяжёлый, плотный, чуть смятый по краям. Внутри — пять экземпляров. Одинаковых, аккуратных, завершённых. Они не требовали доработки. Не требовали согласований. Они уже существовали как факт.

Александр протянул руку и слегка сжал край пакета.

Пальцы почувствовали плотность бумаги.

Одна из них предназначалась библиотеке. И она туда попадёт. Рано или поздно.

Он мысленно проговорил это ещё раз, медленно, как формулу.

Рано или поздно.

С документами или без.

С участием главы города или без.

Это уже перестало быть вопросом разрешения. Это стало вопросом времени.

Он убрал руку.

Внутри начала формироваться другая мысль.

Не про результат.

Про процесс.

Александр слегка усмехнулся.

В этой истории определённо был сюжет для нового рассказа.

Он начал прокручивать события.

Первый визит. Охранница, жующая и объясняющая, что «книги больше не ваши». Администраторша с очками, которая всё понимает, но ничего не решает. Надежда Архиповна с начёсом, который держится вопреки гравитации и здравому смыслу. Фраза: *«У нас документально ничего не оформляется»*. Цокот каблучков. Сайт, который не работает. PDF, который где-то существует в системе. Галочки «прочитано» как символ ложной определённости. Дарья — единственная, кто реально открыл текст. Разговор о поэтах. И сегодняшний эпизод. Четыре чиха. *«Камеры фиксируют — значит, всё в порядке»*. Галина (Галя), которая честно говорит: *«У нас нет процедуры»*. Охранница, отмахивающаяся, как от мухи.

Система дала сбой.

Но не сдалась.

Александр чуть наклонился вперёд.

Он уже не просто вспоминал.

Он структурировал.

События выстраивались в цепочку. Логика появлялась

там, где в реальности её не было. Он чувствовал знакомое ощущение. То самое, которое приходило, когда хаос начал поддаваться описанию. Когда можно было взять абсурд и аккуратно разложить его по смысловым полкам.

Любой хаос можно упорядочить, завернуть в проводочку и сдать в архив.

Он почти произнёс это вслух, но остановился.

— Алиса, — сказал он.

— Да?

— Запиши: начать новый рассказ.

Небольшая пауза.

— Хорошо. Начинаю новый документ.

На экране появилось чистое поле. Белое. Ровное. Без следов предыдущих ошибок, без галочек, без чатов, без чужих комментариев. Пространство, в котором всё зависит только от него.

Александр пододвинул клавиатуру. Движение было точным, выверенным, как в работе с документами, где важно положение каждого элемента. Он положил пальцы на клавиши. Задержал их на секунду.

В этот момент внешний мир начал отступать.

Стройка за окном перестала быть шумом — стала фоном. Гул машин, крики рабочих, скрежет металла — всё это отдалилось, как будто стекло между ним и улицей стало толще. Комната тоже ушла на второй план.

Остался экран.

И то, что должно на нём появиться.

Александр посмотрел на первую строку. Пустую. И вдруг понял, что история уже готова. Не как текст. Как структура. Как последовательность. Как система.

Он знал, с чего начать. Знал, какие сцены должны быть. Знал, где будут диалоги, где — паузы, где — внутренние монологи. Знал, что это будет не просто рассказ о библиотеке. Это будет рассказ о системе. О столкновении логики и её отсутствия. О людях, которые существуют внутри процессов, но не управляют ими. И о человеке, который пытается эти процессы привести к порядку — не потому что ему так хочется, а потому что иначе он не умеет.

Он слегка наклонил голову.

И начал печатать.

Где-то в центре города, в неприметном двухэтажном здании, шушукались две женщины. Они не подозревали, что их абсурд уже задокументирован.

Не в акте приёма-передачи — в истории.

Пальцы Александра двигались спокойно. Без спешки. Он поставил точку, на секунду снова посмотрел на текст — и продолжил.

Потому что теперь уже не он шёл за историей.

История шла через него.

И он начал рассказывать.

Глава 2. Власть Румянца

Серый рассвет подползал к особняку медленно, как старый должник, который заранее знает, что ему не рады, но всё равно явится. Туман лёг на улицу ещё с ночи и так и не ушёл – висел между деревьями, между забором и воротами, как сырая простыня. Весна только значилась в календаре. По ощущениям же стоял тот самый мартовский холод, который

особенно любит подбираться к костям, будто у него с ними давние личные счёты.

Надежда Архиповна проснулась не сразу, а как будто выплывала из вязкого, недоброго сна, который уже успел раствориться, но оставил после себя густой осадок тревоги. В комнате было сумрачно. Плотные шторы, тёмная мебель, шкаф с резными дверцами, тяжёлый комод – всё это в сером утреннем свете выглядело не уютно, а тяжеловесно. Она лежала на спине, не шевелясь, и прислушивалась к себе. Голова была тяжёлой, словно кто-то ночью аккуратно залил туда свинец. Поясницу ломило. В коленях жила тупая, старая боль. Пальцы на руках словно одеревенели. А ещё была какая-то смутная внутренняя дрожь – не озноб, не страх, а именно дрожь, будто организм раньше хозяйки понял, что день будет скверный.

– Только этого не хватало, – хрипло пробормотала она в темноту.

Она осторожно села и сразу поморщилась. В пояснице кольнуло. В висках заколотилось сильнее. С возрастом тело всё чаще позволяло себе этот тон – не просительный, а откровенно начальственный. Словно говорило: ты, конечно, можешь строить людей сколько угодно, но здесь командуем мы.

Особняк они построили с мужем в девяностые – из красного кирпича, с высокой крышей, с лестницей с коваными перилами. Тогда хотелось солидности. Хотелось, чтобы дом

выглядел так, будто в нём живут люди не временные, не случайные. Всё делалось с прицелом на уважение. Резная мебель. Буфет под старину. Плотные гардины. Никакой легкомысленности. Теперь дети разъехались, муж работал допоздна, и дом часто стоял пустым, слишком большим для двоих. Но Надежда Архиповна не жаловалась – привыкла.

Она поднялась, накинула халат и прошлёпала на кухню. Пол под ногами отозвался старыми скрипами – не громкими, не театральными, а тихими, длинными, будто кто-то лениво водил ногтем по сухой древесине. Кухня была тёплой, обжитой. Круглый стол. Часы с крупными цифрами, которые по ночам иногда раздражали своей назидательностью. На подоконнике – герань, давно переставшая цвести пышно, но продолжавшая упрямо жить.

Надежда Архиповна поставила чайник. Пока вода закипала, стояла, глядя в окно. За стеклом туман казался гуще. На дорожке блестела сырая корка грязного снега, не желавшего уходить, хотя по всем правилам уже была пора. Чайник щёлкнул. Она заварила крепкий чёрный чай в большой чашке с золотистой каёмкой. Сделала слишком большой глоток – и тут же обожглась. Язык пронзило болью. Горячее пошло в горло. Она резко поставила чашку на стол, чертыхнулась.

– Вот идиотка, – прошипела она. – В пятьдесят пять лет не умеешь чай пить.

Боль была мелкая, но обидная. Как упрёк. И почему-то именно такие бытовые пакости Надежда Архиповна воспри-

нимала особенно остро. Когда на работе возникал конфликт, она собиралась, холодела, становилась официальной и колючей. А вот если утром чай обжѐг язык – всё, день уже попробовал тебя на зуб.

Она допила чай, морщась, и пошла в ванную приводить себя в порядок. Умывание не освежило, а только сильнее напомнило, что лицо отекло после сна. Кожа на щеках была бледной и вялой. Под глазами легли тени. Она смотрела на себя и чувствовала знакомое раздражение на возраст, на март, на бессонные ночи, на всё сразу.

Потом начался ритуал сборов. Костюм – тѐмно-синий, почти чѐрный. Не новый, но дорогой на вид. Белая блузка. Брошь с искусственным жемчугом. Туфли на устойчивом каблуке. Надежда Архиповна одевалась не быстро, но решительно, как человек, который не собирается перед миром оправдываться.

Потом волосы. Начѐс был делом серьёзным. Не просто «сделать объѐм», а создать правильную форму головы, ту самую, которую она носила много лет и которая уже стала частью её должности. Расчѐска двигалась уверенно. Волосы поднимались. Лак шипел едким облачком. Глаза слегка за-слезились, зато начѐс держался монолитно.

Потом румяна. Вот здесь она всегда преображалась. Кисть. Зеркальце. Движение справа, движение слева. Еѐ румянец был не естественным, конечно. Естественный давно перестал радовать предсказуемостью. А этот был управляе-

мым, почти служебным. Щёки сразу становились ярче. Лицо – как будто бодрее. И вообще возникало ощущение, что жизнь на этом лице не просто ещё есть, а даже имеет некоторые основания для уверенности.

– Вот так, – тихо сказала она.

Она вышла в коридор и мельком посмотрела в старинное зеркало в резной раме – то самое, которое досталось от родителей, с потемневшей амальгамой. Остановилась. Тёмный костюм. Брошь. Начёс. Румянец. Лицо собранное, даже строгое. И вдруг ей показалось – лишь на долю секунды, – что отражение смотрит на неё чуть иначе, чем она сама. Не повторяет взгляд, а как будто заранее знает его направление. И уголок рта будто тронут усмешкой. Очень лёгкой. Совсем маленькой. Но не её.

Надежда Архиповна замерла. Сердце неприятно бухнуло где-то в горле. По коже пробежал холодок.

– Господи, да что за чушь, – сказала она резко. И подошла ближе. Теперь в зеркале была просто она. Чуть искажённая. Чуть расплывшаяся по краям. Щёки казались ещё ярче. Но никакой усмешки. Она отвернулась быстрее, чем следовало.

В прихожей пахло улицей. Сырыми сапогами. Лаком для волос. Сумка была собрана с вечера: документы, кошелёк, очки, помада, запасной платок, таблетки от давления. Всё на месте. Всё под контролем.

Холод снаружи оказался резче, чем она ожидала. Воздух был мокрый, колючий. Весенний ветер тут же пролез под во-

ротник. Нос защищало. Где-то далеко ворона каркнула коротко и грубо, будто подавала сигнал. Надежда Архиповна подошла к своей серебристой «Ладе Гранте». Двигатель завёлся не с первого рывка, а с короткой, недовольной паузы, будто тоже имел право на настроение.

Она выехала за ворота. Особняк в тумане стоял тяжёлый, основательный. Казалось, он смотрит ей вслед. Не ласково. Не враждебно. Просто внимательно. Как старший родственник, который слишком много про тебя знает и потому никогда не выглядит ни удивлённым, ни одобрительным.

Надежда Архиповна тронулась дальше. Город только просыпался. Вдали, за пеленой тумана, едва угадывались крыши, редкие прохожие, остановка. Она ехала и чувствовала, как тревога, вместо того чтобы раствориться, обустривается внутри всё удобнее.

– Из-за чего? – зло спросила она себя. Ни из-за чего. Просто погода. Просто возраст. Просто давление. Просто дурацкое зеркало. Просто чай. Просто март.

Но внутри другой голос, более тихий и более неприятный, отвечал: нет, не просто.

Надежда Архиповна всегда не любила неопределённость. Любая смутная, неоформленная тревога казалась ей почти неприличной. Если есть проблема – назови, оформи, подпиши, положи в папку. Если нет папки – значит, нечего тут метаться. Потому-то она и ценила порядок. Бумага, печать, резолюция, номер входящего. Всё на своём месте. Но жизнь,

как назло, всё время норовила пролезть туда, где никаких ячеек для неё не предусмотрено. То кто-нибудь придёт с просьбой «просто по-человечески». То молодёжь начнёт умничать. То снизу заявится какой-нибудь деятельный гражданин с горящими глазами и желанием, чтобы система вдруп заработала как полагается. Вот таких она особенно не любила. От них всегда лишняя суета.

Щёки под румянами начали чуть гореть – то ли от тепла в салоне, то ли от внутреннего раздражения. Язык всё ещё неприятно напоминал об ожоге. Во рту стояла сухость, как после бессонной ночи. На светофоре она остановилась и машинально взглянула в зеркало. Лицо как лицо. Собранное. Строгое. Начёс на месте.

И всё же мысль о том, что отражение утром будто усмехнулось, никак не отпускала. Она попыталась выругать себя уже жёстче.

– Дожили. Женщина при должности, заместитель директора, а ведёт себя как бабка с приметам.

Но приметы, если говорить честно, она уважала. Потому что жизнь не раз показывала: беда редко приходит без предварительного шороха. Сначала что-то скрипнет, сломается, уколёт, скажется не тем голосом. Потом уже начинается основное представление.

Когда загорелся зелёный, она выехала на улицу, ведущую к библиотеке. Там, впереди, были её стены. Её стол. Её кабинет. Там любой туман обычно заканчивался. Там даже самые

неприятные вещи обретали деловой формат, а значит, переставали быть хаосом. Она ещё не знала, что сегодняшней день начнёт разбирать этот порядок по винтику. Пока же ей казалось, что стоит только подъехать, выключить двигатель, поправить сумку, подняться по ступеням – и всё вернётся на свои места. Туман между тем не расходился. И над дорогой, на голой ветке, сидела чёрная птица. Она проводила машину взглядом и каркнула так хрипло, будто рассмеялась.

Солнце в то утро вело себя так, как ведут себя мелкие чиновники на чужом совещании: вроде присутствует, вроде даже временами обозначает активность, но по существу ничего не решает. Оно пыталось пробиться сквозь облака, светило бледно, слабо, будто само не было уверено, имеет ли смысл вставать над этим городом. Холодный ветер, наоборот, никаких сомнений не испытывал. Он хозяйничал по-настоящему – гонял по тротуару мокрую пыль, шарил по подворотням, дёргал за полы пальто прохожих и настойчиво напоминал всем, что календарная весна – ещё не повод расслабляться.

Надежда Архиповна припарковала «Ладу Гранту» на своём обычном месте – чуть в стороне от центрального входа, ровно, без суеты. Она никогда не ставила машину кое-как. Даже парковка для неё была частью внутреннего порядка. Когда двигатель стих, в салоне сразу сделалось пусто и слишком слышно. Печка ещё тихо шелестела. Стекло окончательно отпотело. На руле осталась влажная прохлада от её ла-

донец. Она не спешила выходить. Сидела несколько секунд, глядя вперёд, на библиотеку. После ремонта здание выглядело прилично. Даже хорошо. Светлый фасад, аккуратная вывеска, большие окна, новые ступени. Внутри – плазменные панели, компьютеры, мягкие зоны. Снаружи – муниципальная солидность. Внутри – смесь старой библиотечной пыли и новой показухи.

– Ничего, – подумала она. – Главное – кто в этом всё сидит.

Она взяла сумку, вышла из машины – и ветер тут же хлестнул её по ногам. Холод пробрался под пальто, укусил колени, забрался под воротник. Она невольно втянула голову в плечи. В правом виске неприятно дёрнуло. Во рту снова пересохло, а язык, обожжённый утренним чаем, ныл особенно мерзко – не сильно, но именно так, чтобы раздражать каждую минуту.

– Да чтоб тебя, – буркнула она не то ветру, не то марту.

До крыльца было всего несколько метров. Но именно на этих метрах день решил показать зубы. Сначала она услышала карканье. Не обычное одинокое «кар», а резкое, сиплое, рваное, будто кто-то ссорился гортанью. На ступенях, прямо у входа в библиотеку, дрались две вороны. Крупные, грязно-чёрные, с влажно блестящими перьями. Они клевали друг друга, толкались, шипели, перескакивали по ступеням с такой сосредоточенной яростью, что на секунду Надежде Архиповне показалось: они не просто дерутся, они что-то де-

лят.

Она остановилась. Ветер ударил в лицо сырой прохладой. Ноздри защипало. Щёки, и без того нагретые румянами, запульсировали. В груди кольнуло суеверным раздражением.

– Ну ещё не хватало, – сказала она сквозь зубы.

Суеверия она презирала на словах. Но внутренне, глубоко, почти стыдливо уважала. Жизнь любит сначала намекнуть, а потом уже добить. Вороны не улетали. Обычно птицы имеют приличия: увидят человека – отлетят. А эти продолжали драку так, будто её вообще не существовало.

Она сделала шаг вперёд. Одна из птиц подскочила на ступень выше, резко повернула голову и посмотрела на неё чёрным, круглым, нечеловечески точным глазом. По спине пробежал холодок.

– Пошли вон! – громко сказала она. Голос прозвучал слишком резко и, что особенно обидно, не очень уверенно.

Ни одна не улетела. Тогда она решительно пошла к ступеням, собираясь обойти их сбоку. И тут одна из ворон молниеносно рванулась к ней. Надежда Архиповна даже не сразу поняла, что произошло. Только почувствовала резкий, колющий удар в ногу, чуть выше щиколотки. Сквозь колготки, сквозь ткань – неожиданно остро, почти с медицинской точностью.

– Ай!

Боль была не сильная, но настолько внезапная и наглая, что у неё перехватило дыхание. Она отшатнулась, схватилась

за перила. Внутри всё вспыхнуло – страх, унижение, ярость. Ворона отпрыгнула назад. И только после этого обе птицы, как по команде, взмахнули крыльями и тяжело поднялись в воздух. Сделали круг над крыльцом и перелетели на ближайшее дерево.

Надежда Архиповна стояла, держась за перила, и чувствовала, как нога начинает пульсировать. Укол сначала был точечным, а теперь разливался тупой, горячей, обидной болью. Как будто её не просто клюнули, а ещё и отметили.

– Совсем уже сдурели... – выдохнула она.

Сердце колотилось часто. Ладони вспотели в перчатках. Она осторожно потрогала место укуса сквозь ткань. Больно.

– Прекрасно. Теперь меня ещё и птицы жрут, – мрачно сказала она.

С дерева донеслось карканье – одно, потом второе. И в этой переключке ей почудилось что-то недоброе, почти насмешливое.

– Дурная примета, – холодно подумала она и тут же рассердилась на себя.

Она взрослый человек, заместитель директора, а не старуха с приметами. Но организм в такие минуты плевать хотел на должности. Он уже понял, что что-то не так, и теперь честно сообщал: тревога.

Поднимаясь по ступеням, она чувствовала в правой щиколотке тупую пульсацию. Каждый шаг отзывался лёгким покалыванием. Она дёрнула дверь и вошла внутрь. Тепло биб-

блиотеки окутало её почти приятно. Здесь пахло свежей краской, нагретым пластиком, старой бумагой, книжной пылью – тем особым библиотечным духом, который невозможно ни с чем спутать. За стойкой ресепшен сидели две женщины. Администратор – светловолосая, в аккуратных очках. Охранница – крупная, невозмутимая, с лицом, на котором не читалось ничего. И, что Надежда Архиповна отметила с удовлетворением, без жвачки.

– Доброе утро, – сказала администратор.

– Утро, – ответила Надежда Архиповна.

Она прошла мимо и вдруг заметила, что администратор мельком посмотрела на её ноги.

– Что? – сразу спросила она.

– Ничего. Просто показалось, вы чуть прихрамываете.

– На улице скользко, – отрезала Надежда Архиповна.

Она направилась к лестнице. Каблуки стучали ровно, но правая нога отзывалась неприятно. Лестница на второй этаж всегда нравилась ей: широкая, с хорошими перилами, с видом на холл. Поднимаясь по ней, она чувствовала себя человеком, который не просто работает, а управляет. Сегодня, однако, звук каблуков получался чуть резче, будто ступени отдавали его обратно с издёвкой. На площадке между этажами она остановилась перевести дух. В окно был виден двор: голые ветви, качели. И вдруг на перекладине качелей – две вороны. Те самые? Другие? Они сидели рядом, чёрные, плотные, и смотрели в сторону библиотеки. Не каркали, не

дрались. Просто смотрели. Надежда Архиповна почувствовала, как в щиколотке снова кольнуло.

– Идите к чёрту, – тихо сказала она, почему-то шёпотом.

Она поднялась в свой кабинет на втором этаже. Вошла, закрыла дверь, села. С облегчением. Нога ныла. Поясница не простила утренних сборов. В висках пульсировало. Кабинет был обставлен так, как она любила: строго, без лишнего веселья. Стол, компьютер, аккуратные стопки документов, лотки для входящих и исходящих, шкаф со стеклянными дверцами, фикус в углу, который упрямо жил назло всему. Она сняла перчатки, достала платок, промокнула лоб. Потом, поколебавшись, приподняла юбку у щиколотки. На колготках виднелась крошечная зацепка, под ней – маленькое красноватое пятнышко. Крови почти нет. Но сам факт – тебя клюнула ворона у собственного учреждения – был хуже любой травмы. Почти анекдот. Такой, который быстро распространяется среди персонала и живёт дольше служебной записки.

Она достала салфетку, приложила. Щиколотка пульсировала жаром. В животе неприятно сжалось.

– Только бы не воспалилось.

И тут же: почему именно сегодня?

В кабинете было тихо. Где-то в коридоре хлопнула дверь. За окном ветер задел ветви. А внутри росло иррациональное чувство, будто день уже кем-то помечен. Как документ с красной полосой в углу. Пока ты ещё не знаешь содержание, но уже понимаешь: там будет неприятное.

Она откинулась на спинку стула, прикрыла глаза. Страх. Небольшой, не оформленный, почти нелепый. Но страх. Не перед воронами, конечно. А перед тем, что всё это сложится во что-то одно. Во что-то, что уже идёт к ней и что она пока не может ни назвать, ни остановить.

– Стареешь, – язвительно сказала она себе. – Раньше бы просто выругалась и пошла дальше.

В молодости она была жёстче. Теперь мир стал скользким. Вокруг ползли новшества, электронные системы, новые лица, новые формы отчётности. И она всё чаще ловила себя на мысли, что уже не понимает этот новый порядок до конца. А человек, который чего-то не понимает, вынужден защищаться. Иногда – просто повторяя: «Так не положено».

Эта фраза всегда работала. Отказ без объяснения личного отношения. Не «я не хочу», а «так не положено». Как будто говорит не женщина с начёсом и румянцем, а сама безличная государственная необходимость. Она открыла глаза, выпрямилась, поправила блузку. Посмотрела в окно. Во дворе никого не было. Только качели. И на них – две вороны. Они сидели, чёрные, плотные, как две запятые в дурно написанном приговоре. И смотрели. Надежда Архиповна почувствовала, как в щиколотке снова кольнуло. Телефон на столе зазвонил внезапно. Она вздрогнула, схватила трубку резче, чем следовало.

– Да?

– Надежда Архиповна, доброе утро, – раздался голос ад-

министратора. – К вам потом нужно будет подписать журнал по мероприятиям.

– Принесите через двадцать минут, – сказала она и положила трубку.

Сердце всё ещё стучало чаще обычного. Нога ныла. Щеки под румянами горели уже не косметически, а почти по-настоящему. Где-то в груди росло злое желание немедленно навести вокруг такой порядок, чтобы ни одна ворона, ни один ветер, ни один намёк не смели больше делать из неё дурочку.

– Посмотрим, – подумала она. – Кто тут вообще хозяин.

Она достала ежедневник, открыла на нужной странице, начала просматривать записи. Мероприятия, отчёты, созвоны, вопросы по фонду. Всё то, что складывается в обычный день учреждения культуры и обычно позволяет не думать о всякой ерунде. Но где-то внутри уже сидело ощущение, что утро на этом не остановится. Что вороны не были отдельным эпизодом. Что это только вход. За окном ветер качнул качели. Вороны не улетели.

К полудню библиотека уже вошла в тот привычный рабочий ритм, который со стороны кажется тишиной, а изнутри состоит из сотни мелких раздражителей. Где-то звякнула кружка о блюде. Где-то шуршали листы. В детском отделе приглушённо переговаривались две сотрудницы, обсуждая то ли кружок, то ли чей-то больничный. В читальном зале кто-то кашлянул. Принтер в соседнем кабинете нехотя про-

глотил бумагу и выплюнул её обратно с таким звуком, будто оскорбился содержанием. Всё было как всегда. И именно это «как всегда» Надежда Архиповна ценила сильнее любых торжественных отчётов.

После истории с воронами она уже успела разложить перед собой папки, просмотреть несколько журналов, сделать пару звонков, поставить подписи, два раза нахмуриться на чужие недочёты и один раз сдержанно, но холодно поправить формулировку в анонсе мероприятия. Работа медленно возвращала её в ту форму, в которой она особенно нравилась сама себе: сухую, собранную, внутренне прямую. Нога, правда, всё ещё напоминала о себе. Не резко, а мерзко. В правой щиколотке сидела тупая пульсация, как будто маленькое сердечко открыло там филиал и теперь билось отдельно от всего остального организма. От этого хотелось злиться на всех подряд.

Она как раз просматривала план по весенним мероприятиям, когда зазвонил внутренний телефон. Звонок был короткий, настойчивый. Надежда Архиповна сняла трубку:

– Да?

– Надежда Архиповна, тут к вам посетитель, – голос администратора был ровным. – Говорит, автор, хочет книгу подарить.

Она на секунду замолчала. Вот и всё. День, значит, решил не растягивать удовольствие.

– Хорошо, – сказала она.

Она нехотя встала, поправила блузку, проверила, ровно ли лежит брошь. Поясницу неприятно потянуло. Нога отозвалась покалыванием. Надежда Архиповна поморщилась, но сразу выпрямилась. Нет ничего хуже начальственного лица, испорченного телесными жалобами. Она вышла из кабинета и направилась к лестнице. Каблуки застучали по коридору, затем по ступеням – ритмично, властно. Этот звук был её визитной карточкой. Она спускалась, чувствуя себя именно тем, кем и должна была быть: человеком, который не просто работает в библиотеке, а спускается и поднимается внутри системы, которая ей подчинена. Сегодня, однако, звук каблуков получался чуть резче, чем обычно, будто ступени отдавали его обратно с лёгкой издёвкой.

В холле было светло. Плазменный экран на стене крутил афишу детского мастер-класса. В углу тихо гудел компьютер. За стойкой ресепшен сидели две женщины: администратор и охранница. Охранница, крупная, невозмутимая, с лицом, на котором не читалось ничего, сидела неподвижно. Администратор подняла глаза и едва заметно кивнула в сторону посетителя. Мужчина стоял чуть в стороне от стойки. Не сутулился. Не мял в руках папку. Не озирался с тем любительским восторгом, с которым впервые попавшие в учреждение люди обычно начинают искать, где тут у вас гардероб, туалет и признание таланта. Просто стоял. Спокойно.

Надежда Архиповна сразу это отметила – и сразу внутренне насторожилась. Он был лет сорока, может, чуть боль-

ше. Тёмные густые волосы коротко стрижены. Не модно-вычурно, а просто аккуратно. На нём было чёрное пальто, под ним – чёрная водолазка, джинсы. Всё это вместе выглядело неброско, но сдержанно. Без попытки понравиться. Без неряшливости. И, что больше всего ей не понравилось, без суеты. Взгляд у него был спокойный. Не мягкий, не улыбочивый – именно спокойный. Человек, который пришёл не впечатляться библиотекой и не просить снисхождения, а выяснить вопрос.

«Вот только этого мне и не хватало», – подумала Надежда Архиповна.

Она подошла ближе. Он первым слегка наклонил голову в знак приветствия.

– Здравствуйте. Вы тут главная?

– Да, я главная, – ответила она, чуть приподняв подбородок. – Что вы хотели?

– Меня зовут Александр. Я автор, живу в городе недавно. Написал и опубликовал сборник рассказов. Хочу подарить библиотеке один экземпляр. Но сначала хотел бы узнать процедуру – у меня нет с собой печатной книги, я пришёл на разведку.

Вот так сразу. Без вступлений. Без лирики. Без «я давно мечтал». Уже одно это раздражало. Люди, которые не начинают с малых поклонов, всегда заставляют быть внимательнее.

– Какой именно книги? – спросила она.

– «Кухня».

Название она внутренне отметила, но ничего не показала. Надежда Архиповна внутренне усмехнулась. Очередной сочинитель. Они всегда одинаковые: с горящими глазами, уверенные, что их творение – шедевр.

– У нас есть сайт, вся информация на нём, – сказала она.

Это была её первая линия обороны почти в любой сомнительной ситуации. Сайт. Всегда сайт. Он принимал на себя удары современности лучше, чем живой сотрудник.

– У вас сайт давно не работает, – спокойно ответил он.

Она даже не сразу поняла, что именно задело сильнее: сам факт или то, как ровно он это сказал. Не с торжеством, не с упрёком, а как готовый проверенный аргумент.

– Что значит «не работает»?

– То и значит. Я пытался зайти.

Она достала смартфон. Не спеша. С достоинством. Открыла браузер. Ввела адрес сайта. Страница не открылась. Она попробовала ещё раз. Ничего. Внутри неприятно ёкнуло. Разумеется, сайт – не её зона ответственности. Есть специалисты. Но в разговоре с посетителем любой внутренний расклад никого не интересует. Если сайт не работает, то не работает он у библиотеки. А библиотека в этот момент для человека – это она. Раздражение накатило, но не на него, а на тех, кто должен поддерживать этот чёртов сайт.

– Хорошо, оставьте телефон. Я ознакомлюсь и позвоню.

Он вынул из кармана аккуратно сложенный листок. Бума-

га была чистая, белая, без смятых углов. Написано разборчиво. Не от руки – распечатано. Уже одно это вызывало у неё внутреннее раздражённое уважение. Человек подготовился. Не бегаёт с листочком от тетрадки. Не просит ручку. Не импровизирует.

– Здесь мой номер, псевдоним, название сайта и книги, – сказал он, протягивая листок.

Она взяла его двумя пальцами, даже не глядя.

– Вы можете сейчас в телефоне зайти на этот сайт, – предложил он. – Там есть приложение с читалкой.

– Нет, я телефон давать не буду и сейчас ничего производить с ним не собираюсь, – отрезала она. – Оставьте, я ознакомлюсь.

– Как насчёт официальной передачи? – спросил он. – Документально или памятное фото?

– У нас документально ничего не оформляется, – ответила она легко. – Просто приходят и оставляют. Вон, какой-то автор приезжал. Оставил книгу и уехал. Мы даже имени не запомнили.

Она говорила это с той непринуждённой уверенностью, которая всегда работала. Но внутри уже копилось раздражение. Ей не нравилось, что он так спокоен. Не раздражается, не суетится. Такие всегда создают лишнюю работу.

Они прощались. Он ушёл. Дверь за ним мягко закрылась. Ветер снаружи качнул её на доводчике. Надежда Архиповна постояла секунду, глядя ему вслед, чувствуя, как внутри

растёт злое, сухое раздражение – именно такое, из которого потом обычно рождаются самые крепкие отказы.

– Что-то ещё? – осторожно спросила администратор.

– Нет, – ответила Надежда Архиповна.

Она поднялась к себе, бросила листок в ящик стола и забыла о нём. Включать компьютер и искать какой-то сайт она не собиралась. Открыла ящик – туда, где лежали старые записки, запасные скрепки, какие-то визитки, черновики, чужие телефоны, давно утратившие актуальность. Сунула листок туда и захлопнула.

– Позвоню, как же, – пробормотала она.

И тут же ощутила лёгкий укол стыда. Очень лёгкий. Почти невесомый. Потому что в глубине души она уже понимала: не позвонит не потому, что нет времени. А потому, что не хочет впускать этот вопрос в реальную плоскость. Пока листок в ящике – вопрос не живой. Пока нет звонка – нет процесса. Пока нет процесса – ничего не надо решать, оформлять, согласовывать, изучать. А значит, порядок сохранён.

Она вынула платок, промокнула верхнюю губу. Во рту было сухо. На шее сзади выступил неприятный жар. Щёки под румянами буквально налились. Она знала это состояние: внешне лицо выглядит бодрее, а внутри всё раздражено и горит.

Но Александр, вернувшись домой, не стал ждать звонка, которого, как он подозревал, не будет. Он открыл компьютер, нашёл официальную группу библиотеки в социальной

сети «ВКонтакте». В разделе контактов значился единственный номер телефона. Он позвонил. Ответила женщина – молодая, растерянная. Дарья.

– Здравствуйте, я автор, приходил к вам на днях, – сказал он. – Хочу передать электронную версию книги для ознакомления. Могу прислать через форму обратной связи в группе.

Дарья согласилась. Александр отправил файл в формате PDF. Дарья подтвердила получение. Через несколько дней она открыла книгу и начала читать.

Надежда Архиповна об этом, конечно, не знала. Она сидела в своём кабинете, чувствуя, как нога всё ещё ноет, как поясница тянет, как щёки горят под румянами. Она перебирала бумаги, ставила подписи, звонила в отделы и отчитывала сотрудниц за неверные даты. Это немного помогало. Когда люди вокруг ошибаются в чём-то понятном и поправимом, мир снова кажется устроенным правильно. Ближе к вечеру, когда свет за окнами стал холоднее, а серые облака снова сомкнулись плотнее, она на минуту открыла ящик, чтобы достать скрепки, и взгляд её упал на тот самый листок. Белый прямоугольник лежал поверх старых бумаг. Чистый. Спокойный. Как напоминание. Она быстро захлопнула ящик. И в этот момент ей снова послышалось что-то странное. Как будто где-то в коридоре коротко скрипнула половица. Не сильно. Не угрожающе. Но так, будто кто-то остановился за дверью и прислушался. Надежда Архиповна подняла голову. Тишина. Потом далёкий смех из какого-то отдела. Потом звонок

телефона у соседей. И ничего больше.

– Совсем уже, – пробормотала она.

Но по спине всё равно прошёл холодок.

Прошло несколько дней. Надежда Архиповна почти забыла о том спокойном мужчине с листком бумаги. Почти – но не совсем. Листок по-прежнему лежал в ящике стола, и каждый раз, открывая его за скрепками или бланками, она наткалась взглядом на белый прямоугольник. И каждый раз внутри что-то неприятно щёлкало. Но она не звонила. И не собиралась.

Дни тянулись серые, одинаковые. К середине каждого библиотека входила в привычную колею: посетители, звонки, отчёты. Где-то звякала кружка о блюде, где-то шуршали листы, в детском отделе приглушённо переговаривались сотрудницы. Всё было как всегда. И именно это «как всегда» Надежда Архиповна ценила сильнее любых отчётов о культурной миссии.

Но тело упорно держало своё состояние – тяжёлое, вязкое. Нога после укуса вороны всё ещё побаливала: тупая пульсация не проходила до конца, щиколотку как будто стягивало. По утрам першило в горле, и она пила тёплый чай с мёдом, ругая мартовские сквозняки. Поясница тянула. В висках периодически пульсировало. Щёки под румянами горели сильнее обычного – не косметически, а по-настоящему, от внутреннего жара. Тело словно готовилось к болезни, но держалось. И это напряжение – быть на грани, но не сломаться

– делало её ещё более раздражительной, чем обычно. Она несколько раз ловила себя на том, что возвращается мыслями к тому разговору. К спокойному голосу. К слову «разведка». К сайту, который не открылся. И каждый раз она усилием воли отрезала это.

– Есть работа – занимайся работой.

Это было её правило. Но сегодня спасало плохо.

К обеду в горле появилось неприятное першение – сначала лёгкое, как будто просто пересох воздух, потом более настойчивое. Она несколько раз кашлянула, негромко, в платок. Запила водой. Не помогло.

– Только не это, – пробормотала она.

Простуда в разгар рабочей недели – последнее, что ей было нужно.

И вот, когда она уже начала думать, что тот автор махнул рукой и не вернётся, зазвонил внутренний телефон.

– Надежда Архиповна, к вам посетитель, – голос администратора был ровным. – Тот самый. Автор.

Она поморщилась.

– Вот и всё. День решил не растягивать удовольствие.

На секунду внутри всё будто остановилось. А потом сразу стало понятно: не ушёл. Вернулся.

– Сейчас спущусь, – сказала она коротко и положила трубку.

Посидела секунду, глядя в стол. Потом встала. Нога тут же отозвалась тупой болью. Поясница потянула. В груди всё

ещё оставалась тяжесть. В горле першило. И всё это вместе создавало очень неприятное состояние: тело слабеет, а тебе нужно идти вниз и разговаривать с человеком, который уже один раз тебя не устроил. Она поправила блузку, провела рукой по волосам, проверила румянец в зеркальце – он был на месте, даже слишком.

– Ну конечно, – пробормотала она. – Снаружи всё прекрасно.

И вышла в коридор.

Лестница встретила её всё тем же гулким звуком каблучков. Но теперь к этому звуку добавилось ощущение, что ноги чуть тяжелее обычного. Каждый шаг отдавался в щиколотке. В груди всё ещё было какое-то неприятное напряжение, будто воздух не до конца проходит.

– Спокойно, – сказала она себе. – Это просто посетитель. Ничего особенного.

Но организм уже не верил в «ничего особенного». Она спустилась в холл. Александр стоял у стойки, спокойный, в том же чёрном пальто. Он повернулся к ней. Как будто он вообще не уходил. Как будто просто ждал, пока она снова спустится.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Здравствуйте, – ответила она сухо.

И в этот момент почувствовала, как зачесалось в носу. Она попыталась сдержаться, но не смогла. Первый чих вырвался громко, неожиданно. Эхом разнеслось по холлу.

– Апчхи!

Администратор за стойкой опустила глаза. Охранница осталась невозмутимой.

– Будьте здоровы, – сказал Александр.

– Спасибо, – буркнула Надежда Архиповна, вытирая нос платком.

Она ещё не успела выпрямиться, как второй чих накатиł внезапно – протяжный, почти музыкальный. Она отвернулась в сторону, прикрываясь локтем.

– Апчиии...

– Будьте здоровы, – повторил Александр.

Она чувствовала, как щёки заливаются жаром. Не от румян – от унижения. Но третий чих пришёл не сразу. Томил ожиданием. Она стояла с приоткрытым ртом, не в силах ничего сделать, чувствуя себя полной идиоткой. Наконец вырвался короткий, почти жалобный.

– Апчхи!

– Будьте здоровы, – сказал Александр уже в третий раз.

– Спасибо, – процедила она.

Голос прозвучал сипло, срывался. Внутри всё клокотало от раздражения – и на простуду, и на него, и на себя.

Она выпрямилась, поправила воротник, стараясь вернуть голосу прежнюю властность.

– С какой целью вы пришли?

– Из поликлиники поблизости, – ответил он. – Решил узнать, как продвигается прочтение.

– Я не читаю вашу электронную книгу, – отрезала она. – И вообще... у нас есть помощница. Давайте я вас ей представлю.

Она повернулась и зашагала к лестнице, не дожидаясь ответа. Каблуки застучали быстрее. Она чувствовала его присутствие за спиной – ровное, без суеты. И это почему-то усиливало её внутреннюю напряжённость. В груди всё ещё была тяжесть после чихов, дыхание чуть сбилось.

На втором этаже было теплее. Тише. Воздух стоял плотнее. Где-то в глубине коридора тихо переговаривались сотрудницы. Она подошла к комнате Дарьи и открыла дверь, не стучась.

– Дарья, – сказала она. – Вот, автор книги. Разберись.

Девушка подняла голову. Мягкое лицо, немного растерянный взгляд. Компьютер перед ней, чашка с чаем.

– Да, Надежда Архиповна...

Но Надежда Архиповна уже развернулась и вышла, закрыв за собой дверь. Она слышала, как за дверью Дарья растерянно начала: «Здравствуйте...» Но не стала останавливаться.

Вернувшись в кабинет, она села в кресло, откинулась на спинку. Нога ныла. Горло першило. Чихание оставило неприятное ощущение слабости.

– Дарья молодая, – подумала она. – Пусть сама разбирается. Это её работа.

Она достала ежедневник и переключилась на другие дела,

уверенная, что Дарья, как всегда, промолчит и не будет настаивать.

А в это время в комнате Дарьи Александр уже объяснял, что отправил электронную версию книги через форму обратной связи.

– Я ещё не закончила, – тихо сказала Дарья. – Но уже прочитала несколько рассказов. Вы необычно пишете. Современно. Мне нравится.

– Мне сказали, у вас литературные посиделки по средам, – вспомнил Александр. – Поэты? Это не моё. Я могу презентовать книгу коротко.

– У вас есть иллюстрации или ролик?

– Да, готовится видеопрезентация.

– Отлично, – оживилась Дарья. – Придётся, сопроводите роликом.

Александр кивнул. Он чувствовал, что Дарья – не противник, а скорее союзник. Но главное препятствие оставалось в соседнем кабинете с высоким начёсом и яркими румянами.

А Надежда Архиповна, оставшись одна, подошла к окну. Во дворе было пусто. Ветер стих. Только серое небо нависало над городом. Она поправила начёс, села за стол и взялась за отчёты. Работа всегда была лучшим лекарством от тревоги.

После того как она вышла из кабинета Дарьи и закрыла за собой дверь, Надежда Архиповна не сразу пошла к себе. Она остановилась в коридоре, будто забыла, куда направлялась, и

на секунду прислонилась ладонью к стене. Стена была тёплая от батареи, но это тепло не проникало внутрь. Внутри оставалось какое-то неприятное, вязкое напряжение, как после разговора, который вроде бы закончился, но на самом деле только начался. В коридоре было тихо. Из соседнего кабинета доносился приглушённый смех – кто-то рассказывал что-то бытовое, не имеющее никакого отношения ни к культуре, ни к книгам, ни к работе. Обычная жизнь учреждения, которая всегда идёт параллельно официальной. Где-то хлопнула папка. Где-то зашуршала бумага.

И вдруг снова – скрип. Тот же самый. Короткий. Сухой. Как будто старая доска чуть повела под чьим-то весом. Надежда Архиповна резко обернулась. Пусто. Длинный коридор тянулся до самого окна. Двери кабинетов были закрыты. На стене висела афиша какого-то мероприятия. Всё на месте. Всё спокойно.

– Ну хватит уже, – тихо сказала она.

Но голос её прозвучал не уверенно, а как-то устало.

Она выпрямилась и пошла к себе. Каблуки снова застучали – теперь быстрее, резче. Как будто этим звуком она пыталась вытеснить всё лишнее: скрипы, воронов, спокойный взгляд этого Александра, своё собственное раздражение. В кабинете она сразу закрыла дверь. Вот здесь она снова была в своей территории. Здесь не было посторонних взглядов. Здесь можно было на секунду позволить себе лицо без выражения. Она опустилась на стул и почувствовала, как уста-

лость вдруг резко наваливается. Не плавно, как обычно, а именно наваливается – тяжёлой плитой на плечи, на спину, на грудь. Нога пульсировала сильнее. Щиколотка словно налилась тяжестью. В горле всё ещё першило, и теперь к этому добавилась лёгкая головная тяжесть – как перед температурой.

– Замечательно... – выдохнула она.

Она провела рукой по лицу, чувствуя, как кожа горячая. Румянец на щеках уже не выглядел просто косметикой. Он стал частью её состояния – почти симптомом. Несколько секунд она сидела, не двигаясь. А потом нажала кнопку внутреннего телефона.

– Дарья, зайди.

Голос получился короткий, сухой. Она положила трубку и сразу почувствовала знакомое облегчение. Когда есть подчинённый, можно задать вопрос. Когда задаёшь вопрос – возвращаешь себе контроль.

Через минуту в дверь постучали.

– Да.

Дарья вошла. Она выглядела чуть взволнованной. Щёки у неё тоже были слегка розовые – но у неё это был настоящий, молодой румянец, не тот, который создаётся кистью. Волосы собраны. В руках – телефон.

– Вызывали?

– Садись, – сказала Надежда Архиповна.

Дарья осторожно присела на край стула.

– Ты читала эту книгу?

Прямо. Без обходов. Дарья кивнула.

– Да. Я начала сегодня... и уже почти дочитала.

Вот это было неожиданно.

– Почти? – переспросила Надежда Архиповна.

– Да. Она... легко читается.

И вот здесь, в этой короткой паузе перед словами «легко читается», Надежда Архиповна почувствовала то, что чувствует человек, который заранее знает: сейчас ему скажут не то, что он хочет услышать.

– И что? – спросила она.

Дарья на секунду замялась.

– Мне понравилось.

Тишина. Очень короткая. Но плотная.

– В каком смысле «понравилось»? – уточнила Надежда Архиповна. Голос её стал чуть холоднее.

Дарья посмотрела на неё осторожно.

– Ну... она живая. Смешная. Современная. Там... про жизнь. Про работу. Про людей.

– У нас вся литература «про людей», – сухо сказала Надежда Архиповна.

– Да, но тут... по-другому. Легко. И в то же время... – Дарья поискала слово. – Точно.

Это слово Надежде Архиповне не понравилось больше всего. «Точно» – слово, которое обычно используют, когда хотят сказать: «Это правда, и вы это тоже понимаете».

– И что ты предлагаешь? – спросила она.

Дарья вдохнула.

– Думаю, можно взять в фонд.

Вот и всё. Сказано. Прямо. Без обходов. Надежда Архиповна почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Не вспышкой, не криком, а холодной, плотной волной.

– На каком основании?

– В смысле?

– В прямом. На каком основании мы должны брать в фонд книгу неизвестного автора?

Дарья чуть растерялась.

– Ну... она не совсем неизвестная. У него есть публикации. И книга... качественная.

– Качественная – это не критерий, – отрезала Надежда Архиповна.

Нога снова дёрнула болью. Она чуть сместилась на стуле, стараясь не показать, но тело всё равно отозвалось напряжением.

– Есть процедура, – продолжила она. – Есть порядок комплектования фонда. Есть списки, закупки, поставщики.

Дарья тихо сказала:

– Но это дар.

– И что?

– Ну... можно принять как пожертвование.

Слово «пожертвование» повисло в воздухе. И в этот момент Надежда Архиповна почувствовала очень неприятное.

Пустоту. Внутреннюю. Потому что формально – да. Пожертвование возможно. Теоретически – возможно. Практически...

– У нас нет процедуры, – сказала она.

Голос прозвучал чуть громче, чем нужно.

Дарья замолчала. Потом осторожно:

– Можно создать.

Вот это было уже лишнее.

– Не нужно ничего создавать, – резко сказала Надежда Архиповна. И сама почувствовала, что сказала слишком резко. Но остановиться уже было сложно. – Это лишняя работа.

Дарья опустила глаза, но не ушла. И тогда она произнесла то, от чего Надежде Архиповне стало по-настоящему не по себе:

– Надежда Архиповна, я случайно подписалась на его канал в мессенджере Макс. Он там выложил пост... ироничный. Что наша библиотека не может принять книгу в дар, потому что у нас нет процедуры. И что он намерен обратиться в администрацию города, если вопрос не решится. Уже несколько человек из городских чатов поддержали его. Мне кажется, лучше не доводить до скандала.

Надежда Архиповна внутренне похолодела. Канал в Максе. Пост. Поддержка. Значит, он не шутит. И теперь уже не только она знает об этой истории.

– Откуда ты знаешь, что это его канал? – спросила она хрипло.

– Он там под своим именем. И книгу свою рекламирует. Я просто зашла по ссылке из группы библиотеки, он оставлял комментарий. А потом увидела пост.

Надежда Архиповна замолчала. Внутри всё кипело. Дарья, эта тихая, незаметная Дарья, вдруг оказалась не такой уж безропотной. И главное – она оказалась права. Скандал уже набирал обороты.

– Иди работай, – бросила Надежда Архиповна. – Я сама решу.

Дарья вышла. Дверь закрылась мягко. И в кабинете снова стало тихо. Слишком тихо. Надежда Архиповна осталась одна. Она сидела, глядя на стол, и чувствовала странное. Как будто разговор с Дарьей не успокоил её, а наоборот – усилил внутреннее напряжение. Потому что впервые за день прозвучало слово, которое она сама избегала: «Можно». Можно принять. Можно создать процедуру. Можно сделать. И именно это «можно» было для неё самым опасным. Потому что за «можно» всегда следует «надо». А за «надо» – работа, ответственность, риск.

В коридоре послышались шаги – тяжёлые, ритмичные. Она выглянула – никого. Только тень скользнула по стене.

– Опять показалось, – подумала она, но внутри уже поселилась тяжёлая, холодная тревога.

Автор не отступал. И теперь его знали в городе. И Дарья теперь была на его стороне. Она встала и подошла к окну. Снаружи начинало темнеть. День клонился к вечеру. Свет

стал холоднее, резче. Деревья стояли чёрные, неподвижные. Ветер не утихал. И вдруг на ветке снова сидели две вороны. Те же. Или не те же – какая разница. Они сидели рядом. И смотрели. Прямо в сторону библиотеки. Прямо на её окно. Надежда Архиповна почувствовала, как по коже пробежал холод.

– Да идите вы... – прошептала она.

Но голос получился тихим. Почти беспомощным.

Она отступила от окна. В кабинете стало вдруг тесно. Воздух – густым. Голова чуть закружилась. Она села, положила руки на стол и впервые за день позволила себе честную мысль: «А вдруг я не права?» Мысль была короткой. И сразу же отрезана.

– Нет, – сказала она вслух. Громко. – Нет.

Потому что если она не права – значит, вся система, на которой она держится, трескается. А этого она допустить не могла. Ни при каких обстоятельствах. Даже если для этого нужно сказать «нет» ещё раз. И ещё. И ещё. Нога пульсировала. Горло першило. А за окном две чёрные птицы всё так же сидели и не улетали.

К вечеру библиотека начала выдыхаться. Это всегда происходило почти незаметно. Сначала редели посетители. Потом стихали голоса. Компьютеры продолжали работать, но уже без той утренней суеты. Шаги в коридоре становились реже, звук каблуков – глуше. Даже плазменная панель в холле казалась усталой, как сотрудник, который дорабатывает

смену и уже не верит в важность показываемых объявлений. Снаружи темнело рано, по-мартовски. Свет стал холодным, серым, и стекло в окнах начало отражать внутреннее пространство сильнее, чем показывать улицу. Получалось странное наложение: коридоры, люди, двери – и поверх них едва различимые силуэты деревьев и фонарей.

Надежда Архиповна сидела у себя в кабинете и чувствовала, как день окончательно оседает в теле. Щиколотка ныла. Уже не просто пульсировала, а как будто внутри неё поселился тупой, настойчивый груз. Туфля стала тесной. Хотелось снять её и растереть ногу, но она не позволяла себе таких слабостей в рабочее время. Поясница тянула. В горле першило сильнее. Иногда появлялось ощущение, будто в груди не хватает воздуха – не серьёзно, но достаточно, чтобы раздражать. И, главное, не уходило внутреннее напряжение. Она несколько раз открывала ящик, смотрела на листок с данными Александра – и каждый раз закрывала его, словно отталкивала от себя что-то живое.

– Всё. Закрыли тему, – повторяла она.

Но тема не закрывалась. В какой-то момент она даже поймала себя на том, что слушает. Просто сидит и слушает. Как будто ожидает шагов. Звука. Сигнала.

И, как назло, именно в этот момент за дверью раздался короткий, уверенный стук. Она вздрогнула.

– Да?

Дверь открылась. В проёме стояла администратор.

– Надежда Архиповна, к вам... снова тот мужчина.

Вот теперь это уже было не просто раздражение. Это было почти вызовом. Она медленно выпрямилась.

– Пусть подождёт.

– Он уже с книгой.

Пауза. Очень короткая. Но в ней всё стало понятно. Он не просто вернулся. Он пришёл с предметом. С фактом. С тем самым, что переводит разговор из теории в практику.

– Иду, – сказала она.

Голос был ровный. Даже слишком.

Она положила ручку. Закрыла папку. Провела рукой по волосам. Встала. Нога тут же отозвалась болью. Щиколотка словно налита свинцом. Она сжала зубы.

– Только не сейчас, – тихо сказала она себе.

И пошла. Лестница встретила её всё тем же гулким звуком каблучков, но теперь каждый шаг отдавался в ноге сильнее. Боль шла вверх, к колену. В груди было тяжело. Горло першило. Она чувствовала себя так, будто идёт не просто вниз к посетителю, а на какое-то внутреннее столкновение, к которому не готова.

В холле было почти пусто. Администратор стояла за стойкой. Охранница сидела, как всегда, неподвижно. А рядом стоял он. И держал книгу. Книга была... заметной. Яркая обложка. Плотная. Тяжёлая. Не тонкая самиздатовская брошюра, которую можно было бы взять двумя пальцами и отложить без последствий. Нет. Это была настоящая книга. Тол-

стая. Уверенная в себе. Он был в чёрном пальто, чёрной водолазке и джинсах. Выглядел внушительно. Тёмные густые волосы коротко стрижены. Спокойный взгляд – без вызова, но и без тени сомнения.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Здравствуйте, – ответила она.

Он протянул книгу.

– Вот экземпляр. У меня есть готовый экземпляр для передачи в фонд.

Она не сразу взяла. Секунду просто смотрела. Потом всё-таки протянула руку. Книга легла в ладонь неожиданно тяжело. Глянцевая обложка, плотная бумага. Пахло типографской краской – свежей, чуть резкой. Она посмотрела на название: «Кухня».

– Сколько страниц? – спросила она, не глядя.

– Четыреста сорок четыре.

Она чуть приподняла бровь. Цифра неприятно кольнула. Слишком ровная. Слишком... повторяющаяся.

– Интересно, – пробормотала она и тут же отогнала мысль. Глупости.

Она перелистнула несколько страниц. Бумага плотная. Печать чёткая. Всё сделано аккуратно. Слишком аккуратно для «просто автора». Это снова вызвало раздражение.

– Вы можете её нам оставить, – сказала она, стараясь говорить спокойно. – У нас не принято оформлять документально, особенно в дар.

– Я не могу просто так её вручить, – ответил он. – Давайте хотя бы сфотографируем момент передачи.

– У нас камеры есть, – сказала она, указав на потолок. – Они засвидетельствуют.

– Камеры могут не работать, – парировал он. – Вы сами знаете, как часто техника подводит.

Она почувствовала, как внутри поднимается злость. Этот человек не отступал. Он словно заранее знал все её аргументы и каждый раз спокойно их снимал.

– Они работают, – сказала она, стараясь звучать убедительнее, чем чувствовала.

– Вы уверены?

Пауза. Она не была уверена. И он это понял. Вместо того чтобы спорить дальше, она пошла другим путём – решила переложить ответственность.

– Мы вам позвоним, когда директор будет на месте, – сказала она.

– Когда это будет? – спросил он.

– Не знаю.

– То есть сейчас вы не готовы принять книгу официально?

– Нет.

Она сказала это жёстко. Почти с вызовом. Но он не дрогнул.

– Тогда давайте хотя бы зафиксируем факт передачи. Фото, например. Это ничего не обязывает, но подтверждает, что книга была передана.

Она почувствовала, как внутри всё сжимается. Фото – это уже почти документ. Почти фиксация. Идея была разумной, но именно поэтому она её отвергала.

– У нас есть камеры, – повторила она, уже понимая, что звучит неубедительно.

– Техника ненадёжна, – возразил он. – А фото на ваш телефон – это гарантия.

В этот момент она поняла, что разговор зашёл туда, куда она не хочет. Слишком конкретно. Слишком близко к ответственности. Она резко повернулась и открыла дверь в подсобку.

– Галя! Подскажи, как оформить официально.

Голос прозвучал громче, чем нужно. Из глубины подсобки появилась женщина в сером халате – худая, в очках. Галя шла неторопливо, как человек, который уже давно понял, что в этом учреждении всё решается не скоростью, а правильным присутствием в нужный момент. Надежда Архиповна быстро мигнула ей – сигнал. Галя поняла.

– У нас нет процедуры, – сказала она. – Мы это ни разу не делали.

Вот и всё. Подтверждение. Живое. Свидетель. Надежда Архиповна почувствовала, как внутри появляется облегчение.

– Вот, – сказала она, поворачиваясь к Александру.

Александр посмотрел на Галю. Потом на неё. И кивнул.

– Понятно.

Он аккуратно забрал книгу из её рук. Это движение почему-то показалось ей очень важным. Как будто он не просто взял предмет, а забрал ситуацию обратно под свой контроль.

– Тогда я подожду, пока появится возможность оформить всё официально, – сказал он.

Она ничего не ответила. Просто кивнула.

Он развернулся и пошёл к выходу. Дверь открылась. Холодный воздух на секунду ворвался в холл. И в этот момент она вдруг почувствовала странное. Как будто что-то уходит. Не человек. А ситуация. Но не заканчивается – а наоборот, только начинается. Дверь закрылась. Тишина. Галя уже ушла. Администратор смотрела в монитор. Охранница сидела неподвижно. Надежда Архиповна стояла и чувствовала, как внутри растёт тяжёлое, неприятное ощущение. Не победы и не поражения. А незавершённости.

Она медленно повернулась и пошла к лестнице. Каблуки стучали. Нога болела. Голова слегка кружилась. В груди было тяжело. И в этот момент где-то сверху снова раздался скрип. Она остановилась. Подняла голову. Пусто. Но ощущение было такое, будто кто-то только что ушёл и наблюдает. Она быстро поднялась к себе. Закрыла дверь. Села. Положила руки на стол. Руки дрожали. Нога после укуса вороны всё ещё болела – тупая пульсация не проходила. И впервые за весь день подумала не «он настойчивый», а: «Он не отстанет».

Эта мысль ей не понравилась. Совсем. За окном оконча-

тельно стемнело. И где-то в темноте снова каркнула ворона – один раз, коротко, будто поставила точку в сегодняшнем дне. Но Надежда Архиповна знала: это не точка. Это много-точие.

Двадцать пятое марта началось иначе. Даже воздух был другой. Весна как будто решила на один день притвориться настоящей: солнце вышло, не прячась за облаками, небо стало светлее, ветер стих. Утро было прохладным, но уже не колючим – скорее бодрящим. В городе появилась редкая для марта ясность, когда здания выглядят чётче, лица людей – заметнее, а собственные мысли – громче. Надежда Архиповна проснулась раньше обычного. Не потому, что выспалась. А потому, что день был особенный. День работника культуры.

Она лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как тело реагирует на утро иначе, чем вчера. Голова уже не была такой тяжёлой, но в ней осталась неприятная ватная пустота. Горло всё ещё саднило. Щиколотка ныла, хотя и чуть слабее. Но главное – внутри была странная смесь волнения и напряжения. Сегодня вручали грамоты. Сегодня – администрация. Сегодня – люди. И, что важнее всего, сегодня её должны были отметить.

Она встала. В доме было тихо. Виктор Степанович уже ушёл – на кухне стояла пустая чашка, рядом лежала ложка. Всё аккуратно. Как всегда. Его отсутствие она почувствовала не как одиночество, а как лёгкую пустоту. Обычно она её

не замечала, но сегодня почему-то отметила. На улице было светло. Солнечный свет проникал в окна, отражался в зеркалах, делал дом менее тяжёлым. Даже старое кривое зеркало в коридоре выглядело сегодня почти прилично. Она подошла к нему, посмотрела. Отражение было ровное. Спокойное. Никаких усмешек.

– Вот так лучше, – сказала она. И сама почувствовала облегчение. Как будто вчерашнее было просто усталостью.

Она пошла собираться. Сегодняшний костюм был особенным. Тёмно-бордовый, с чётким силуэтом. Блузка – светлая, с аккуратным воротником. Брошь – та же, с искусственным жемчугом. Но сегодня она приколола её чуть выше, чем обычно – так, чтобы было заметно. Начёс – особенно тщательно. Лак – с запасом. Румяна... Сегодня румяна были важны. Она наносила их медленно, внимательно. Чуть больше, чем в обычный день. Щёки должны были выглядеть живыми. Уверенными. Почти праздничными.

– Надежда Архиповна, заместитель директора, – тихо сказала она себе, глядя в зеркало. – Почётный деятель культуры.

Слова звучали приятно. И она позволила себе улыбнуться. Совсем чуть-чуть.

Снаружи солнце светило ярко. Дорога до администрации прошла быстро. Город выглядел оживлённым. Люди шли быстрее обычного. Где-то стояли цветы. Где-то уже обсуждали праздник. Всё казалось чуть более значимым, чем в обычный рабочий день. Здание администрации встретило её

прохладным воздухом и шумом голосов. В фойе уже собрались люди. Работники культуры. Театры. Дома творчества. Библиотеки. Музеи. Знакомые лица. Кто-то кивнул. Кто-то улыбнулся. Кто-то сделал вид, что не заметил. Она шла, выпрямив спину. Каблуки звучали чётко. Щёки горели. Внутри всё было собрано.

Марина Геннадьевна уже была там. Директор выглядела, как всегда, строго и без лишних эмоций. Короткая стрижка. Костюм. Чёткий взгляд.

– Доброе утро, – сказала она.

– Доброе утро, – ответила Надежда Архиповна.

Они кивнули друг другу. Без лишнего.

Зал постепенно наполнялся. Люди рассаживались. Кто-то переговаривался. Кто-то смотрел в телефон. Кто-то уже заранее улыбался, как будто репетировал момент получения грамоты. Надежда Архиповна села. Сердце билось чуть быстрее. В горле было сухо. Щёки – горячие. Она чувствовала, как напряжение нарастает. Не страх. Ожидание. Выход. Имя. Аплодисменты. Сцена. Всё это она проходила не первый раз. Но каждый раз это было по-своему.

На сцену вышла С.Ю. Аргунова. Строгий костюм. Уверенная осанка. Короткая стрижка. Голос – ровный, поставленный. Она говорила о культуре, о значении, о людях, о работе. Слова были правильные. Даже слишком. Надежда Архиповна слушала, но не слышала. Она ждала.

И вот... «Почётный деятель культуры города...» Имя про-

звучало. Её имя. Она встала. Шагнула. Каблуки. Сцена. Свет. Руки чуть дрожали, но она держала себя. Аргунова протянула грамоту.

– Поздравляю.

– Спасибо.

Коротко. Чётко. Фото. Аплодисменты. И в этот момент она почувствовала гордость. Настоящую. Тёплую. Заслуженную. Вот ради этого стоило. Ради этого она работала. Ради этого терпела. Ради этого говорила «нет», когда нужно.

Она вернулась на место. Села. И позволила себе на секунду расслабиться. Грамота лежала на коленях. Плотная бумага. Официальная. Настоящая.

После награждения сделали общее фото. Официальный фотограф из администрации сделал несколько снимков – позже они появятся на городском сайте и в газете. На них Надежда Архиповна получилась чётко, с высоким начёсом и яркими румянами, как и полагается почётному деятелю культуры. Все выстроились. Щёлк. Всё как положено.

Потом – ещё фото. Кто-то из сотрудников, стоявший с краю, достал телефон.

– Давайте сюда.

Щёлк. Смех. Разговоры. Через несколько минут фото уже пошло в общий библиотечный чат. Надежда Архиповна открыла его. Посмотрела. И замерла. Её лицо вышло размытым. Не просто чуть смазано, а именно размыто, как будто камера не захотела её зафиксировать. Как будто она есть – и

нет. Она увеличила. Ещё раз. То же самое. Все лица чёткие. А её – нет. Внутри что-то холодно сжалось.

– Неудачное фото, – сказала рядом коллега. – Бывает.

Бывает. Да. Конечно. Но это было неприятно. Очень. Дурная примета.

И в этот момент она почувствовала взгляд. Сильный. Прямой. Она подняла глаза. В зале, у колонны, стоял Александр. Не рядом, не близко, но видно. Он был в том же чёрном пальто. И смотрел на неё. Не зло, не с укором – просто смотрел, как на экспонат в музее. Она улыбнулась – ярко, победно, сияя румянцем и значимостью. Но внутри, под костюмом, под макияжем, что-то ёкнуло. Тревога. Ирония судьбы: её награждают как деятеля культуры, а она сама саботирует принятие книги – тоже культурного вклада. Она ещё не знала, что Александр уже настроен решительно. Он не просто пришёл посмотреть. Он пришёл действовать.

Вернувшись домой после церемонии, Александр открыл ноутбук и написал развёрнутое обращение в чат-канал главы города в мессенджере Макс. Он изложил всё по пунктам: три визита, отказ от оформления, предложение фото, отсутствие обратной связи. В конце добавил: «Считаю ситуацию недопустимой, поскольку: библиотека обязана учитывать поступающее имущество; передача без оформления создает риск неучета; подобная практика может свидетельствовать о нарушении порядка учета муниципального имущества. Прошу: разъяснить порядок приема книг в дар; дать

оценку действиям сотрудников; содействовать решению вопроса. Готов передать книгу официально, с оформлением. Обращение также будет продублировано в городской группе для публичной фиксации.»

Модератор чата принял сообщение, определил, что вопросы библиотеки курирует заместитель главы по культуре С.Ю. Аргунова. Сделал скриншот обращения Александра и по служебному чату переадресовал его Аргуновой с пометкой «Срочно». Аргунова, женщина привыкшая к порядку, прочитала обращение и нахмурилась. Она не любила, когда чиновники саботируют простые решения. Не откладывая, она позвонила директору библиотеки Марине Геннадьевне. Трубку сняли не сразу.

– Марина Геннадьевна, это Светлана Юрьевна. У меня на столе жалоба от автора. Ваша библиотека не может принять книгу в дар уже несколько недель. Что происходит?

Директор растерялась.

– Светлана Юрьевна, я не в курсе. Этим занимается мой заместитель, Надежда Архиповна. Я разберусь.

– Разберитесь, – голос Аргуновой был спокойным, но не терпящим возражений. – И побыстрее. Автор уже готов опубликовать это в городской группе. Скандал нам не нужен.

– Поняла, – сказала Марина Геннадьевна. – Я свяжусь с ним сегодня.

Она положила трубку и задумалась. Потом набрала номер Надежды Архиповны, но та не ответила – была на обеде.

На следующий день, 26 марта, Аргунова подготовила официальный ответ для Александра и передала его модератору для публикации в чате Макс. Ответ был выверенным, юридически грамотным, но в нём чувствовалась усталость от бюрократических проволочек. 27 марта Александр получил уведомление. Он открыл ответ: «Здравствуйте! По вопросу передачи книги рассказов „Кухня“ в фонды муниципального учреждения культуры „Централизованная библиотечная система“ сообщаем следующее: Фонды библиотек Павлово-Посадского городского округа пополняются в том числе и за счёт дарителей. Библиотека вправе принять (или не принять) книгу от дарителя самостоятельным решением. Каждая книга проходит осмотр в отделе комплектования и обработки на предмет отсутствия в содержании информации, запрещённой законодательством РФ. После принятия положительного решения по вопросу передачи книги в дар, в отделе комплектования и обработки даритель заполняет согласие на обработку персональных данных, подписывает договор и передаёт книгу, которая ставится на учёт и входит в состав библиотечного фонда. По вопросу получения заключения о передаче в дар Вашей книги Вы можете обратиться к директору МУК „ЦБС“ Марине Геннадьевне, контактный телефон: 8 916 349-86-57. С уважением, Администрация Павлово-Посадского г.о.»

Александр сохранил скриншот ответа. Теперь у него был официальный документ, подтверждающий, что проблема за-

фиксирована на уровне администрации. В тот же вечер, 27 марта, он написал директору в мессенджере Макс, приложив скриншот переписки с администрацией. Но ответа не дождался – возможно, Марина Геннадьевна не проверяла сообщения.

На следующее утро, 28 марта, в 12:30, Александр решил не ждать. Он понимал, что директор может не читать сообщения сразу. Он набрал номер.

– Алло? – голос Марины Геннадьевны звучал удивлённо.

– Здравствуйте, я автор книги «Кухня». Меня направила к вам администрация. Мы никак не можем оформить дарение.

– Ах, это вы, – голос директора мгновенно изменился, стал более официальным, но и более напряжённым. – Да, я знаю о вашей проблеме. Мне уже звонили из администрации. Ситуацию объяснили. Приношу извинения за задержку.

Александр на секунду замер – он не ожидал такой прямоты.

– Спасибо, – сказал он.

– Приходите 31 марта в 16:00, – продолжила Марина Геннадьевна. – В кабинет комплектования. Подпишем договор.

Он положил трубку. Сердце колотилось ровно, но где-то внутри – удовлетворение. Наконец-то.

Надежда Архиповна в это утро была в библиотеке. Она ещё не знала о звонке. Но что-то в воздухе изменилось – ветер за окном стих, и тучи сгустились над городом. Она поправила начёс и подошла к окну. За стеклом, на детской пло-

щадке, две вороны сидели на качелях и молча смотрели в сторону библиотеки. Дурная примета.

– Чего уставились? – пробормотала она, задёргивая шторы.

Следующее утро в библиотеке началось не с тишины, а с напряжения. Такое бывает редко, но чувствуется сразу. Ещё до того, как прозвонят телефоны, до того, как сотрудники окончательно рассаживаются по кабинетам, в воздухе появляется едва уловимая плотность. Как будто само здание знает, что сегодня в нём будут говорить не о кружках, не о мероприятиях и не о списках литературы. Надежда Архиповна пришла раньше обычного. Нога всё ещё ныла, хотя уже не так сильно. В горле оставалась сухость. Голова была тяжёлой, но не мутной – скорее, напряжённой. Щёки под румянами горели. И этот жар уже не маскировал ничего – он выдавал внутреннее состояние почти откровенно.

Она поднялась к себе, сняла пальто, села за стол. И почти сразу зазвонил внутренний телефон. Она посмотрела на него. Подняла трубку.

– Да?

– Надежда Архиповна, – голос секретаря директора был короткий, – Марина Геннадьевна просит вас зайти.

Вот и всё. Внутри что-то холодно опустилось. Не страх. Но ощущение, что сейчас придётся говорить. И не в том формате, в котором она привыкла.

– Иду, – сказала она.

Положила трубку. Секунду сидела, не двигаясь. Потом встала. Пальцы на руках чуть подрагивали. Она сжала их, чтобы это остановить. Выпрямилась. Провела рукой по волосам. Проверила брошь.

– Спокойно, – сказала она себе.

Но тело не слушалось. Щиколотка отозвалась болью. Сердце билось чуть быстрее. Во рту пересохло. Она вышла из кабинета. Коридор был тихим. Слишком. Каблуки звучали чётко, но этот звук уже не давал ей уверенности. Он был как метроном, отсчитывающий не её власть, а её приближение к разговору, которого она не хочет.

Дверь кабинета директора была приоткрыта. Она постучала.

– Можно?

– Заходите.

Марина Геннадьевна сидела за столом. Как всегда. Но что-то в её лице было другим. Более жёстким. Более собранным. И более холодным. Она не предложила сесть.

– Что там за автор? – спросила директор без вступлений.

– У нас нет процедуры, Марина Геннадьевна... – начала Надежда Архиповна.

– Так создайте.

– Это лишняя работа, – вырвалось у неё. – У нас и так отчётности много. Мы никогда не оформляли дарение, и всё было нормально.

Марина Геннадьевна подняла бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.